

ВОЕНТОРГ
СКЛАД №1

Рафаэль Дамиров

8

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 8
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 8

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035307
Рафаэль Дамиров. Курсант: Назад в СССР 8:

Аннотация

На дворе 1985-й год. Капитан милиции Андрей Петров, по прозвищу Курсант, попадает в переделку, которая чуть не стоила ему карьеры.

Восьмой том напрямую пересекается с серией книг М. Гаусса и Р. Дамирова: «Спасти ЧАЭС».

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Рафаэль Дамиров

Курсант: Назад в СССР 8

Глава 1

Москва. Март 1985 года.

Зал ресторана «Луч» полон гостей, хмельного веселья и табачного дыма. Разнокалиберная публика (мужчины непременно в мешковатых пиджаках и галстуках, а женщины в легких модных платьях) отмечала субботний мартовский вечер. На сцене, мерцающей незатейливой цветомузыкой и зеркальными подвесными шарами, завывал солист ВИА с прической крашенного пуделя. Артисты, в расписных рубашках от местной фарцы, задорно били по струнам, клавишам и прочим барабанам.

Веселенькая композиция «Песняров» сменилась холодным «Айсбергом» примадонны.

Только что скакавшие посетители расселись за столиками, радостно галдя и готовясь к очередным возлияниям.

Редкие парочки закружились в медляке под грустную, но наполненную томной энергетикой песню. Только я в этот вечер был один. И на душе скребли кошки. Много кошек...

Я тихо жевал оливье, периодически тыкал вилкой в остыв-

шую котлету по-киевски. Иногда наполнял рюмку уже теплой водкой из низкого графина и выпивал сам с собой, тихо бормоча под нос нехитрые тосты, типа «За друзей и за удачу». За любовь пить не хотелось. Настроение не то... Будто батарейка резко села, а новую не позаботился купить.

Официант в белой рубашке, в черной жилетке и оранжевой бабочке (вылитый королевский пингвин, даже нос в форме клюва) в очередной раз попытался ко мне подсадить запоздалых гостей. Теперь это была парочка возраста романтических строителей БАМа.

Я гневно зыркнул на пришлых. Те поняли без слов, что хмурый дяденька совсем не рад их обществу, и ретировались. «Пингвин» попытался меня уговорить, что, дескать, товарищ, не положено одному четырехместный столик занимать. Но я хлопнул кулаком по столу, сверкнул ксивой и велел убираться прочь.

Хотелось побыть одному. Достал из кармана пиджака мятый конверт. В строке обратного адреса значился Новоульяновск. Сегодня я получил самое грустное письмо в своей жизни.

Развернул уже изрядно измусоленный листочек в ученическую клетку и снова прочитал послание от Сони. Писала, что выходит замуж. Что устала ждать и желает мне счастья. Писала о семье, детях и прочих нужных (наверное) вещах. Но между строк сквозила грусть и, может, даже горечь. Я это чувствовал.

И на хрена было меня извещать о своем замужестве? На приглашение на свадьбу это не походило. Тогда зачем?.. Я слишком сильно нажал на вилку, которую даже забыл воткнуть в котлету. Та скрежетнула по тарелке и согнулась.

Мы расстались сразу после моей командировки в Зелено-ярск. Два с половиной года прошло уже. Думал, все быльем поросло. Но нет... Сердце защемило, и я снова хлопнул рюмашку. Поморщился и захрустел салатом.

Дочитал письмо, бережно его свернул и сунул в карман. Задумался... Может, Соня ждет, что я одумаюсь и примчусь к ней? Расстрою свадьбу, убью злодея и увезу ее на край света. Но такое только в фильмах бывает. Причем в голливудских. А в советских – если любовь, то навсегда. И свадьба только раз в жизни. Так и должно быть. Наверное. Только не готов я сейчас. А может, и никогда не буду готов. Будто прошлая жизнь не отпускает.

Жизнь новая, да я – все тот же. Неужели только так?

Напротив меня, за столиком побольше, вальяжно развалился мужик в модном костюме в полоску. Видно, что недавно его прикупил. На лоснящейся ткани ни заломов, ни потертостей. На франта совсем не похож. В плечах сажень, а морда угловатая, как у матерого мента или бандита. Рядом хихикали какие-то девицы в юбках, что еле скрывали ягодички, и чокалась рюмками еще парочка каких-то подозрительных типов. Одеты попроще, но тоже в костюмы с иголки. У самих руки мозолистые и глаза колючие. Не похоже они

на интеллигентов или фарцовщиков.

Мой профессиональный взгляд уцепился за странную компашку, которая напоминала нефтяников, приехавших с севера пропивать кровные и развлекаться в компании ночных бабочек.

Путаны в последнее время в Москве плодились, как тля. Не как в девяностые, конечно, когда жрать после перестройки стало нечего, и толпы девочек из Поволжья, Ростова и Краснодару ринулись покорять столицу.

Неспешный вечер дурманил алкоголем, вытаскивая из глубин памяти грустные воспоминания. Соня, Соня... Не поеду тебя спасать. Лучше живи в башне с драконом, чем с таким как я – перекаати-поле.

Рядом со мной на стул плюхнулось потное тело. Определил я это по запаху. Кавказец в рубаше, расстегнутой сверху почти до пупа, и с зубами цвета церковного купола бесцеремонно вторгся в мое грустное пространство. Галдел и махал руками сотоварищам, которые продирались к нам между столиками.

– Здес свабодна! – кричал он им.

– Занято! – зыркнул я на него.

– Слюшай, дарагой, – проговорил тот с вызовом. – Вижу, что свабодна. Зачем обманываешь?

К нам подоспели еще трое черноусых мохногрудых товарищей. Пестрые рубашки, модные джинсы. Скорее всего, местные торговцы фруктами. Горная братия наглым образом

оккупировала мой стол.

– Я хочу побыть один, – тихо процедил я.

– Брат, сиди один. Мы с тобой разговаривать не будем, – гоготнул тот, который подсел первый.

И тут мимо нашего столика прошла Соня... У меня аж сердце провалилось. Я тряхнул головой и проморгался. Конечно, это была не она. Рыжая девчужка с точеной талией, затянутой в короткое платье. Сейчас в каждой рыжеволосой девушке мне мерещилась Соня.

Один из моих новых соседей шлепнул ее по наливным ягодицам. Девчонка подпрыгнула. Обернулась, сверкая глазами и явно собираясь залепить пощечину хаму, но осеклась. Трое лыбящихся на нее золотыми зубами мужиков с шерстью горилл на распахнутой груди мигом охладили ее пыл. Она опустила глаза и поспешила скрыться в глубине зала.

Пока я раздумывал над ситуацией, мой подвыпивший кулак сам принял решение и врезал любителю хлопать по женским задницам в челюсть. Мужик завалился на бок прямо со стулом и с гаденькой улыбкой, которая не успела сойти с самодовольной морды. Лежал и не шевелился.

Его дружки вскочили и бросились на меня сразу вдвоем. Не вставая из-за стола, я потушил одного ударом кулака в пах. Он сполз на пол, поскуливая и матерясь на языке предков.

Третий успел зарядить мне в скулу, но удар оказался не

поставлен. И вот я уже стою, пошатываясь, на ногах.

Музыка стихла. Гости вжались по углам, выскочив из-за соседних столиков. Слышны крики: «Милиция, милиция!».

Милиция уже здесь, – ухмыльнулся я про себя, уворачиваясь от удара бутылкой.

Вот сука! У нас же кулачный бой. Нехорошо! Хрясь. Я выбил бутылку из рук, а вторым ударом свернул горбатый нос. Нападавший схватился за лицо и завопил:

– Помогите! Убивают!

Двое его товарищей расползались от меня по сторонам. Я наградил их позорными пинками вдогонку. Знатный вечерок получился. Жаль, что я мент. Чревато последствиями.

Граждане негодовали и гудели. Лишь тот, что был в полосатом костюмчике (главный «нефтяник»), смотрел на меня с некоторым уважением. В его взгляде не было больше прожигающей колкости. Он словно увидел своего. Странный нефтяник.

Откуда-то набежали дружинники. Очевидно, дежурили прямо на крыльце или в холле – все-таки суббота всегда обещает неприятности. Один из них оглушительно дунул в свисток. Хотел показать, что он власть, а не один из дружков моих несостоявшихся собутыльников, чтобы не попасть мне под горячую руку.

Но я власть не трогаю. Хоть в голове и туман, я разглядел на их руках красные повязки. Два худосочных стража порядка, увидев мои окровавленные кулаки, не рискнули меня вя-

зять, а вступили в переговоры:

– Гражданин, пройдемте.

– Все нормально, свои... – я по-гусарски махнул ксивой. Уже совсем ничего не соображал. Зря засветился. Ну и х*р с ним. На душе пустота, будто провалилось что-то внутри.

– Пройдемте, товарищ капитан, – пристали назойливые дружинники.

– Хрен с вами, – я хлопнул на дорожку последнюю рюмку. – Не будем народ пугать.

И так уже репутацию советской милиции подмочил. Не все же мне кровь проливать за нее. Могу я раз в жизни расслабиться? Хотя нет. В погонах не расслабляются. Они всегда жмут.

* * *

– Что же вы, товарищ капитан, натворили? – качал головой умудренный жизнью и службой седой следак. – Вы же тот самый Петров из спецгруппы Горохова? Такой молодой, а карьеру себе на корню зарубаете.

Я сидел перед ним на стульчике, в одном из кабинетов в местном РОВД. В ответ лишь хмыкнул. Знал бы дядя, сколько мне лет. По стажу ментовскому, если приплюсовать эту жизнь к прошлой, уже как два раза на пенсию по выслуге можно было выйти.

– Братья Геворкяны на вас заявление написали.

– Один звонок – и все улажу, – ответил я, закуривая предложенную сигарету.

Давненько не курил. Самое время начинать.

– Если вы про Горохова, – кивнул следак, – то ему уже звонили.

– И? – я вопросительно уставился на прокурорского. – Отпускай тогда меня. А с Геворкянами договорись. Пусть напишут, что претензий не имеют. Денег им предложи. Я отдам.

– Не все так просто, Андрей Григорьевич, – вздохнул следак. – Братья эти поставляют фрукты для спецгастрономов.

– Хм... Я думал, они на рынке торгуют.

– За ними люди немаленькие стоят. Надавить на них не получится. Вы уж сами с ними порешайте как-то. Договоритесь на мировую. Правда, вам злостная хулиганка еще светит. Но нарушение общественного порядка мы замнем. Все-таки о ваших заслугах в узких кругах правоохранителей легенды ходят. Но вот с братьями и с их побоями – вы сами вопрос утрясите. Горохов того же мнения. Он даже с вами по телефону разговаривать не захотел. Возмущен вопиющим поведением, понимаете.

– Это похоже на Никиту Егоровича, – кивнул я. – Слишком он честный и однобокий. Но ничего. Прорвемся.

– Так вы поговорите с Геворкянами?

– Да пошли они на х*р... – зло прошипел я. – Никогда Нагорный ни под кого не прогибался.

– Кто?

– Не важно...

* * *

Спустя неделю я сидел в том же ресторане «Луч» и отмечал свою «свободу». Приказ об увольнении состряпали быстро. Виданное ли дело, капитан милиции привлекается к уголовной ответственности за драку в ресторане. Слухи расползлись по Москве быстро. Чтобы не поднимать лишнего шума и резонанса, уволили меня по собственному, да еще и задним числом. То есть, получается, что морды я бил уже будучи абсолютно гражданским человеком. Ну, черт с ними со всеми. Небольшой отпуск не помешает.

Я сидел и курил за тем же столиком, что и в прошлый раз. Денег хватило лишь на графин с водкой и нарезку сервелата. Скоро из общаги придут выселять. Ведомственная все-таки.

За соседним столиком сидела та же компашка псевдонфтяников. Мужик в полосатом костюме, которого сотоварищи называли Бесом, с интересом на меня поглядывал. Он явно меня узнал.

Я не привык, чтобы меня так в упор разглядывали, как доступную девку или экспонат музейный, поэтому, поймав на себе очередной взгляд, хмуро ему кивнул:

– Чего смотришь?

Тот не обиделся. Подошел к моему столику и сел рядом.

– Занято, – процедил я, демонстративно обдав его клуба-

ми сигаретного дыма.

– Слышал, тебя из органов выперли, – голос Беса был участливым и каким-то даже дружеским.

Он взял без спроса графин и налил мне в стопку, а себе плеснул в стоявший рядом пустой стакан:

– Давай за знакомство. Меня Бес зовут. – А это Шпала и Серый, – кивнул он на своих друзей.

Я презрительно поморщился:

– С урками дел не имею.

– Да какие мы тебе урки, Петров?

– Ого... – я прищурился, вминая бычок в пепельницу. – Да ты и имя мое знаешь.

– Так кто ж его не знает? – хмыкнул Бес. – Ты, когда кавказцев раскидал, ксивой светил. Все знали, что ты капитан Петров. А теперь вся Москва гудит, как тебя из органов поперли.

– Менты бывшими не бывают, – хмыкнул я. – Гуляй, дядя...

– Еще как бывают, – оскалился тот в ответ. – Думаешь, мы блатные? Я ведь в прошлом майор милиции. И Шпала тоже мент был. Хотя он сержант. А Серый так вообще в девятом отделе КГБ лямку тянул.

– Да ну на х*р? – мое лицо вытянулось, и я уже стал слушать Беса с нескрываемым интересом. – А от меня чего надо?

– Денег заработать хочешь? Молчишь? Вижу, что хочешь.

Нас когда из органов выперли, думали, жизнь кончилась. – Товарищи его, или дружки, я все еще не определился, как бы их звать, на этом задумчиво закивали, как бы вспоминая. – А сейчас ничего, пристроились. Таким как мы – вместе держаться надо. Иначе сдохнем. Воры нас не примут, и свои больше не свои. А что потом? Судимость, выпивка каждый день – и жизнь под откос?

– Ближе к делу, Бес. Что делать нужно?

– Короче, Петров. Есть одна тема. Раз крутанемся – и на полжизни денег хватит.

– А с чего ты решил, что я вас не сдам?

– Я о тебе справки навел. Ты адвокату Геворкянов в морду плюнул. Следака послал, что дело по тебе ведет. В общем, вижу, устал ты от системы. Свой человек, значит.

– Есть такое, – кивнул я.

– Вот и слушай. Не перебивай пока...

* * *

Я сидел на заднем сиденье неприметного «Москвича» цвета бежевой посредственности. Через приоткрытое окошко припекало мартовское солнце. Хотелось опустить стекло совсем, но нельзя светить мордой. Мутная гладь немного скрывала присутствующих внутри салона. За рулем размещался Бес.

Я смотрел на широкое крыльцо с угловатыми колоннами

универмага «Молодежный» на Можайском шоссе. В вечерний час особенно бойко сновали туда-сюда покупатели. Это было одно из немногих мест в Москве, где можно было приобрести модную одежду и джинсы, минуя фарцовщиков.

– Все запомнил? – Бес нервно барабанил пальцами по рулю.

– Дай вольту, – процедил я.

– Говорил же, нет лишнего ствола, – отмахнулся Бес. – Твоя задача прикинуться прохожим и, когда начнётся шухер, бросить «зажигалку» на крыльцо. Чтобы паника началась и люди отвлеклись на пламя.

Я сжимал в руке бутылку с зажигательной смесью. Вместо фитиля – скрученная в жгут тряпица, пропитанная керосином, так что в машине стоял мерзкий специфический запах, и голова шла кругом.

– Вот они, – прошипел Бес и сполз по сиденью, будто хотел провалиться в пол.

К крыльцу подкатила инкассаторская «Волга» белого цвета. Ни брони, ни опознавательных знаков. Бронированные рафики появятся чуть позже. А сейчас деньги собирали на обычных машинах. Из машины вышли двое со спецмешком. Беззаботно поднялись по ступенькам и исчезли в магазине. Один сотрудник, как положено, остался в машине.

– Готов?

– А убивать инкассаторов обязательно?

– Нет, но без этого никак, иначе деньги не отдадут. А там,

по моим прикидкам, около трехсот кусков.

– Каких кусков? – прикинулся я ванькой.

– Тысяч. Готов, говорю? Пошли.

По крыльцу прохаживались двое. Я их сразу узнал. Один, в милицейской форме – Шпала, второй, в неприметном костюме и пальто – Серый. Одет не по погоде. Людям и в плащах-то жарко сегодня, а этот в пальто потеет. Но не просто так. Под одеждой оттопыривается нечто, висящее на правом боку.

– Готов, – кивнул я и огрел бутылкой с зажигательной смесью Беса по башке.

Тот охнуть не успел, вырубился и окончательно сполз вниз, выронив ТТ. Громоздкий пистолет ударился о пол машины, а бутылка не выдержала и рассыпалась у меня в руке, обдав дождем осколков и горючей смеси с запахом керосина неподвижное тело.

Я спешно протиснулся между сиденьями и подхватил ТТ-шник. Проверил патроны. Все норм.

Из универмага показались двое инкассаторов с пухлым мешком. Рядом с ним женщина в штатском. Сотрудник милиции, что охраняла универмаг, но уже, скорее всего, переделась к концу рабочего дня. По инструкции должна сопровождать инкассаторов до машины. Только пистолета у нее нет и толку в таком сопровождении, как от мопса на охоте.

Вот бл*ха... Думал, хоть мент со стволом будет. А тут баба в штатском.

План у банды был прост. Положить всех на месте выстрелами почти в упор и забрать выручку. Деньги из мешка универмага, а часть из машины, которые инкассаторы насобирали на прошлых остановках.

Самая жирная и последняя точка в маршруте инкассации – универмаг «Молодежный». Триста тысяч – по нынешним временам деньги огромные. Удивляюсь, на этот маршрут никто не позарился до сих пор. Не было в СССР таких ограблений. Пока не было. Все еще впереди. Хотя это уже будет и не СССР вовсе.

Я незаметно выбрался из машины, пряча руку с пистолетом за спиной. Если Шпала и Серый меня срисуют, пусть думают, что там у меня зажигалка, как договаривались. Они мельком бросили на меня недоумевающий взгляд, дескать, чего это Бес в машине спит, почему не прикрывает?

Я кивнул, что все нормально, он шеф, ему виднее, где находиться.

Медлить было уже нельзя. Шпала и Серый выхватили пистолеты и собирались расстрелять инкассаторов.

Бах! Бах! – я оказался быстрее. Выстрелил и свалил Шпалу, а вот Серый будто увернулся от пули.

Вот сука! Как чувствовал! Чему его там в КГБ научили, хрен разберет.

Он успел пальнуть в женщину, которая бесстрашно закрыла грудью инкассатора. Черт! Куда, бл*ть, лезешь? Забыла, что ни формы, ни ствола нет!

Пуля скосила ее и уложила на бетон. Инкасаторы прыгнули в сторону машины, на ходу выхватывая пистолеты. Их напарник хотел выскочить из «Волги» на помощь, но замешкался. По инструкции никак нельзя покидать автомобиль с деньгами. А стрелять из окон по Серому – не так сподручно. Бандит уже изловчился и выстрелил в одного из них. Инкасатор упал на ступеньки, так и не добежав до машины и не успев выхватить пистолет. Второй укрылся за машиной, но еще не отстреливался. Не готовы наши инкассаторы к перестрелкам. Совсем не готовы.

Я выстрелил снова. Пуля прошла бандиту плечо. Серый вскрикнул и, выронив пистолет, схватился за рану. Наконец, до него дошло, что сила не на его стороне. Что помощи от Беса не будет, а я теперь – враг. Он бросился бежать. Я за ним.

Кругом крики и визги ошалевших прохожих. Но скоро уже никого не было видно, пространство вокруг вмиг опустело. Только инкассаторы завели машину и рванули прочь. Даже не помогли раненой милиционерше и своему. Что ж... Инструкция, блин. Хотя последний, скорее всего, все равно труп.

У Беса был запасной план отхода, если не удастся всем уехать на машине. Я это точно знал. Но он, падла, меня в него не посвятил. Умно. И вообще, думаю, он меня взял для прикрытия. Подставить, как пушечное мясо, чтобы пристрелить на месте происшествия и сбить с толку следствие. Ведь

банда совсем не из моего окружения. Если бы начали копать, то следяки наверняка бы ушли в сторону.

Бывший ГБ-шник хоть и ранен, но бежал резво, перескакивая через скамейки и сталкивая здоровым плечом старичков и интеллигентов с тротуара.

А я в последнее время позволял себе слишком много выпивать и курить. Совсем сбил в теле здоровый дух. А этот чешет как спортсмен. Может, и есть легкоатлет в прошлом. Как-то не успел я с подельниками познакомиться, сразу завертелось. Черт! Чувствую, что не догоню.

– Стоять! Милиция! – гаркнул я и пальнул в воздух предупредительный.

Но больше для того, чтобы почувствовать спуск. Тугой какой-то он у ТТ-шника, не как у моего родного Макарыча.

Бандит и ухом не повел. Мчался вперед и норовил скрыться в подворотне.

Врешь, не уйдешь! Я резко остановился и припал на колени. В такой позе не так шатает от сбитого дыхания. Прицелился. Чертова мушка и целик никак не хотели сойтись на одной оси. Руки подрагивали. Пить надо меньше. Наконец, я поймал в прорезь спину беглеца. Еще несколько секунд и он скроется за углом. Бл*ть! Спокойно... Вдохнул поглубже и задержал дыхание.

Бах! Мимо. Бах! Опять в молоко!.. Выдохнул и вдохнул. Задержка дыхания. Прицелился. Бах!

Есть! Убегавший покатился кубарем и уткнулся в песоч-

ницу. Хорошо, что в пустую. Мамаши вовремя уволокли детей по подъездам, едва заслышав выстрелы.

Я подошел к стонущему телу. Пуля пробила поясницу. Серый с трудом обернулся и проскрежетал:

– Сука! На х*ра? Ты же не мент больше.

– Бывших ментов не бывает, – улыбнулся я и закурил.

За спиной слышался вой милицейских сирен. Я сказал прохожим вызвать скорую и на всякий случай связал Серого его же брючным ремнем. Хотя с таким ранением он вряд ли сможет смыться. Но, вспомнив Зеленоярского Потрошителя, подстраховался. Тот без глаза и руки сумел от меня смыться, даром что студент.

Вернулся к универмагу. Там уже толпился народ. Оцепление из ППС-ников теснило любопытных по сторонам. Женщину-сотрудницу перекладывали на носилки. Жива. Даже в сознании. Инкассатора, что упал на крыльцо, уже не было. Только кровавое пятно на ступеньках.

– Андрей! – ко мне подскочил Горохов, за ним Погодин. – Ты почему не сообщил?

– Не успел, Никита Егорович, – горько ухмыльнулся я. – Они изначально сберкассу собирались брать.

– Ну, – кивнул Горохов. – Мы там и стояли, ждали вас. Весь квартал оцепили.

– Бес в последний момент поменял объект и маршрут, – ответил я. – Перестраховался. Я так понял, они сразу несколько планов нападения подготовили. Почему он вы-

брал именно этот – не знаю.

– Может, раскусили тебя в последний момент? – предположил Погодин.

– Не думаю. Залегендировали меня чисто. Даже со службы уволили. Если бы заподозрил, то пришел бы в машине. А так бутылку мне вручил с зажигательной смесью.

– Мда... – Горохов уставился на меня. – Ты что, куришь?

– Для образа начал, так сказать, – улыбнулся я. – Вжился в роль. Пить пришлось даже для этого каждый день.

– Вижу, что неделю небритый.

– Как инкассаторы?

– Один труп, – опустил глаза Горохов. – Не совсем гладко все прошло, не как мы планировали.

– Надо было их сразу брать, – поморщился я. – Не доводить до ограбления.

– И что бы ты им предъявил? – с вызовом вскинул на меня бровь Горохов. – Незаконные стволы? Так за них много не дадут. Скажут, что нашли, и условкой отделаются. А к прошлым ограблениям их не привязать было. Чисто сработали. Ни следов, ни описаний внешности. Нагло так нападали, что никто ничего не успевал сообразить и запомнить – сам знаешь, – мой бывший начальник только махнул рукой. – Это хорошо, что смежник наш, Черненко Алексей Владимирович, поделился оперативной информацией. Что один из его бывших сотрудников может быть причастен к ограблениям.

– Угу, – кивнул я. – Оказалось, что они все – бывшие со-

трудники.

– На то был и расчет, – довольно почесал лоснящийся подбородок Горохов. – Уволить тебя со скандалом и к ним посадить. Это ты, Андрей Григорьевич, ловко придумал. Вот только в ресторане немного переборщил. Должен был обычный пьяный дебош устроить, а ты братьям Геворкянам носы свернул.

– Да настроение было не очень, – улыбнулся я. – Вот душу и отвел.

– Ну, ничего... Там с ними уже все уладили. Дело прекращать будем по реабилитирующим обстоятельствам. А тебе снова надо заявление писать о приеме на службу. Уволили ведь тебя по настоящему, – ткнул в меня Горохов пальцем. – Для правдоподобности. И премии, кстати, ты не получишь. Она Геворкянам пойдет. За моральный вред, так сказать.

– Хрен с ней, с премией, – я хотел закурить, но, подумав, смял и выбросил сигарету (все, пора завязывать). – Второй раз я бы так же поступил. Сами виноваты. Не фиг женщин за жопу без спросу хватать. Особенно рыжих.

На это Никита Егорович мне ничего не ответил. Наверное, подумал, что я уж слишком вжился в роль – а может, вспомнил собственные сердечные раны. Эти, заразы, долго болят. Уж лучше перелом схлопотать или пулю. Впрочем, такого я Горохову говорить не стал – а то ещё передумает принимать от меня заявление. Хотя куда он денется с подводной лодки? Мы как два сапога уже. Но оба на правую но-

гу...

Глава 2

Апрель 1985 года. Петровка 38, кабинет руководителя межведомственной следственно-оперативной группы Н. Е. Горохова.

Никита Егорович собрал нас экстренно. Обвел командирским взглядом и сообщил тоном, не допускающим возражений:

– У нас новое дело, товарищи. Собирайтесь. Вылетаем срочно в Брянскую область. Самолет через два часа. Спецрейс из Шереметьево.

– Ого, – Катков довольно потер мясистый подбородок. – Для нас выделили отдельный самолет?

Частые командировки вылечили его боязнь перелетов.

– Наверное, кукурузник какой-то, – фыркнула Света, наморщив носик.

В летнем платышке в легкомысленный горошек она смотрелась, как студентка. Замужество не испортило ее точеную статью.

– Нет, – с гордостью заверил Горохов, – целый АН-24 отрядили.

– Не самый маленький самолет, – восхитился Погодин. – Мы на нем одни полетим? Что же там такого случилось в Брянске?

– Сам не пойму, – следователь спешно набивал кожаный портфель бланками протоколов и прочими нужными бумажками, впихнул туда изрядно разбухший от частого пользования томик УПК РСФСР, – Сказали выезжать и на месте разбираться. В лесу обнаружен труп подростка.

– Один? – уточнил я.

– А тебе сколько надо? – пожал плечами шеф. – Слава Богу, что один. Пока...

– Нас по одиночным не дергают, – язвительно заметил я.

– В том-то и дело, – Горохов задумчиво зажевал нижнюю губу, вытащил из кармана платок, но лоб почему-то вытер кончиком галстука. – Мутная история, товарищи. Тот подросток пропал еще три года назад. И вот его нашли.

– Бывает, – кивнул я. – Пролежал три года, а тело только сейчас обнаружили. Все равно не пойму, при чем тут мы?

Даже не знаю, зачем я спорил – всё равно ведь полетим, дело решеное.

– А то, что он как живой, – Горохов поднял указательный палец. – Прямо чудеса...

– В каком смысле, как живой? – в один голос воскликнули Погодин и Катков.

– Погиб недавно. Совсем. По предварительной информации, тело без следов разложения.

– Получается, что парня кто-то удерживал три года. Или он сам прятался, – предположил я, – а потом его убили?

– Да, но... – Никита Егорович рассеяно обнаружил в сво-

ей руке носовой платок и снова засунул его в карман рубашки. – За эти три года он несколько не вырос. Будто пропал несколько дней назад.

– Что значит, не вырос? – тут уже я потер лоб, смахивая испарину.

Жарко сегодня, не по-апрельски.

– Пропал он, значит, в 1982 году в возрасте тринадцати лет. Сейчас убитому должно быть шестнадцать, верно? Вот только он так и остался в теле тринадцатилетнего подростка. Рост, вес, соотношение развития лицевых костей черепа к мозговому отделу. Все говорит о том, что это мальчик на начальном периоде полового созревания.

– Ни фига себе, – Погодин озадаченно уставился на следователя. – Мистика какая-то.

Намеков на что-то сверхъестественное шеф страшно не любил, так что я ждал отповеди. Но Никита Егорович ничего не ответил.

– Может, местные что-то перепутали? – включила научный рационализм Света. – Или мальчик с задержкой физического развития. Что в тринадцать, что в шестнадцать – выглядел одинаково.

– Черт его знает, – пропыхтел Горохов. – Но не зря же нас так спешно отправляют. Чувствую – дело скверное предстоит нам распутывать. Не люблю я такие. Особенно когда касается убийства детей.

– Или сбой гормональный какой-нибудь приключился, –

продолжала накидывать версии Света. – Вот и не было изменений в опорно-двигательном аппарате.

– На месте разберемся, товарищи, – отмахнулся Горохов. – Машина внизу. Как говорится, по коням.

Он глянул на наручные часы, затем, будто сверяя время, на стену, где висела угловатая «Молния» с серебристыми стрелками и полированной доской вместо циферблата, и проговорил:

– Десять минут на покурить, на посещение уборной и собрать вещи. Хотя вещи у вас и так должны быть уже собраны.

Насчет вещей Никита Егорович был прав. После событий в Зеленоярске нам частенько приходилось мотаться в разные уголки страны. Иногда экстренно, как и сейчас. Поэтому Горохов велел каждому завести на рабочем месте что-то вроде «тревожного чемоданчика». Только вместо сухая чемоданчик (а в случае со Светой, это был, скорее, чемоданище – уверен, что там у нее только босоножек три вида припасено) в себя включал нехитрый набор запасной одежды по сезону, белье, мыльно-рыльный комплекс, банку «Завтрака туриста» на всякий пожарный и кулек барбарисок, чтобы в самолете погрызть. Если нам случалось экстренно вылетать, то домой мы больше за вещами не заезжали.

– Никита Егорович! – хлопнул себя по лбу Катков. – Мне кримчемодан брать с собой?

– Глупый вопрос, Алексей, – поморщился следователь, – зачем ты нам там без своих криминалистических приبلуд и

финтифлюшек нужен? Конечно, бери.

– Просто фотоаппарат у меня дома. Может, заскочим за ним? Тут по пути...

– Какого рожна, Алеша, фотокамера не в чемодане? Или указания начальства можно уже не выполнять?

– У тещи день рождения позавчера приключился, – оправдывался Катков. – Мероприятие важное, сами понимаете, я решил запечатлеть его на служебный фотик. Известно, что лучше «Зенита» ничего у нас пока не придумали. Зеркалка и есть зеркалка. А у меня дома только «ФЭД» пылится. Так себе камера. Да и привык я уже на «Зенит» трупы фотать. Приловчился. Они у меня как живые получаются. И теща хорошо вышла.

Горохов поморщился и вытащил из ящика стола мелкую и неказистую «Смену-8М» в дешевом дерматиновом кофре. Протянул самый массовый фотоаппарат планеты Каткову:

– Держи, Алексей, осваивай.

– Да это не камера вовсе, – раздувал щеки криминалист. – Что за фотоаппарат за пятнадцать рублей? На нем даже значений выдержки нет. Вместо цифр – солнышко, облачко, тучка... Детский сад!

– Ничего привыкнешь, – категорически махнул рукой Горохов. – Собирай манатки и спускайся.

В аэропорту Брянска нас встретили две милицейские «Волги», черного и канареечного цветов. В таком составе кортежа наша делегация смотрелась торжественно и чинно.

– Никита Егорович! – навстречу выскочил толстячок на гномьих ножках.

Улыбчивый и ясный, как летнее солнышко. Лишь строгий костюм цвета торфяного навоза свидетельствовал, что дядя этот вовсе не шалтай-болтай (внешне прямо похож), а из органов.

– Рад с вами познакомиться! – колобок истоиво тряс руку Горохову, обхватив ее сразу обеими ладонями. – Огурцов Иван Петрович. Следователь по особо важным делам областной прокуратуры. А это, я так понимаю, – пухляш повернулся ко мне и протянул широкую ладонь, – Петров Андрей Григорьевич?

Я кивнул и пожал в ответ руку.

– Наслышан я про вас, Андрей Григорьевич, – продолжал сиять колобок, поблескивая не по годам (на вид ему было лет сорок-сорок пять) белыми зубами.

– И что же вы слышали? – с интересом уставился я на него.

– Что капитаном милиции вы стали уже через четыре года службы. Звание получили будучи лейтенантом, минуя старлея. Награждены орденом Красной Звезды и являетесь луч-

шим специалистом по розыску серийных убийц. Про историю с Зеленоярским Потрошителем даже повесть вышла.

– А вы отлично осведомлены, – пробурчал Горохов с некоторой претензией – его, старшего нашей группы, колобок не нахваливал, как меня. А тут чуть ли не целое досье наизусть пришлось выслушать.

– Общественность в курсе, информация в свободном доступе, – развел руками Огурцов. – У нас на работе все сотрудники выписывают «Человек и закон» и «Советскую милицию». Добровольно-принудительно. А вы разве не читали там статьи про себя?

– Нас журналы никто не принуждает выписывать, – усмехнулся Никита Егорович. – Поэтому я читаю только «Советский спорт». А детективы не люблю, их на работе хватает.

Я с Гороховым сел в черную машину, остальные в желтую «патрульку».

Никита Егорович, как и полагается его статусу, занял переднее сиденье. Водитель, рыжеусый малый в гражданке, приветливо закивал, выдав стандартное «здрасьте», и бойко помог погрузить наши угловатые чемоданы в багажник.

– Поторопись, Игнат, – похлопал его по плечу Огурцов. – В Цыпинск обратно гони.

– К чему такая спешка? – удивился Горохов. – Часом позже, часом раньше... Я планировал заселиться в гостиницу для начала.

– Там вас ожидают, – ответил Огурцов.

– Где? В РОВД?

– На месте преступления.

– Так туда мы и завтра наведаться можем. Осмотрим все на свежую голову, так сказать. Утро вечера мудренее.

– Вы не поняли, Никита Егорович, – Огурцов замотал головой на короткой поросычье шее, которую еле-еле обхватывал широкий безвкусный галстук. – Мы труп не забирали. Он там еще.

– Как – не забирали? – рука Горохова так и застыла с горячей зажигалкой.

– Ну, осмотр места происшествия еще формально не закончили, вас ждали. А тело утром обнаружили, дачники.

– Ого, – Горохов присвистнул. – Вот почему нас так гнали.

– Нам сказали, что вы оперативно прибудете, – улыбался Огурцов (интересно, он когда-нибудь может не улыбаться?). – Вот мы и решили вас дожидаться. Тело не трогали. Только судмед его, конечно, осмотрел. Парня опознали. Это Тетеркин Витя, пропал летом восемьдесят второго. Ему тогда тринадцать лет было. В лесу гулял и исчез. Будто провалился сквозь землю. А сейчас ему должно быть уже шестнадцать, вот только не вырос он нисколько. Родители его узнали. Привозили мы их на место. Чуть с ума не сошли от увиденного.

Огурцов вздохнул, почесал затылок и на минуту перестал улыбаться.

– Как такое вообще может быть? И мы не знаем, что ду-

мать. На парне даже одежда та самая, в которой он в последний раз из дома ушел. Поэтому решили дожидаться специалистов. То есть вас...

– Хм... – Горохов приоткрыл окошко и закурил. – Иван Петрович, мы конечно, постараемся помочь. Но аномалии – не наш профиль, так сказать. Как вы уже читали в журналах, мы специализируемся на серийных убийцах. Или на громких преступлениях. Как ни кощунственно это звучит, убийство подростка – ни под то, ни под другое не подпадает. Кстати... А какова причина смерти? Его точно убили?

– Причина смерти неясна, – развел руками колобок. – Видимых телесных повреждений нет. Вскрытие покажет.

– Так почему вы решили, что это убийство? – Горохов обернулся и глянул через сиденье на следователя с некоторой укоризной.

– Ну, а как же? – пожал плечами тот. – Три года мальчишки не было, а тут нашелся. Тихенький и дохленький. В таком возрасте беспричинно не умирают. Еще и в лесу.

Часа через полтора машины обогнули городок, перед которым возвышалась бетонная, выбеленная известью стела. Над перекрестием серпа и молота застыли массивные буквы: «Цыпинск».

Волга свернула на грунтовку и, минуя населенный пункт, нырнула в тень смешанного леса. Прохлада приятно легла на плечи, придя вместе с запахом хвои и трелями птиц. Пыльный асфальт остался позади. Апрель на Брянщине выдался

теплый. Будто лето наступило. Я с облегчением выдохнул. Сзади маячила «канарейка» с мигалками, в которой сидели Света, Катков и Погодин.

– Что же паренек? – недовольно спросил Горохов.

– Городок, который мы проехали, – Огурцов кивнул на Цыпинск. – Оттуда родом потерпевший. Что вам сказать? С родителями жил, в школе учился. Пионер. Все как у всех, ничем не выделялся. Ни в спорте, ни в учебе. Обычный пацан, тихоня. Когда пропал три года назад, помню, мы целую неделю леса прочесывали. Всю область на уши поставили. Добровольцы со всех краев к нам приезжали, помогали искать уже хотя бы тело. Я тогда был уверен, что его уже не было в живых. Потому что все прочесали. До самой Украины и Белоруссии. Кто ж знал, что он еще три года проживет.

– Ну, до Украины и Белоруссии у вас рукой подать, – скептически заметил Горохов.

Еще недавно в кабинете с ним спорили мы, а теперь мой начальник сам, кажется, всё больше уверялся, что вызывали нас сюда сгоряча – возможно, что совершенно зря.

– Пусть. Но и там коллеги союзных республик прилегающие леса осмотрели, – заверил Огурцов. – Мы области и республики соседние известили. Ориентировки разослали. Думали, может, мальчик заблудился и вышел где-то далеко от дома, ведь всякое бывает в лесу. Была еще версия, что зверь напал. Медведь, кабан у нас водятся.

Через несколько минут дорога совсем сузилась. «Волга»

жалобно скрипнула боками об еловый лапник и уткнулась в древесную стену.

Рыжеусый Игнат заглушил машину и, обернувшись, виновато проговорил:

– Иван Петрович, дальше не проедем. . .

– Без тебя знаю, – нахмурился на секунду тот, но через мгновение вновь поспешил натянуть на круглом, как блин лице, свою неизменную улыбку. Будто не следователь со сложным делом, а официант какой-то, который на чаевые набивается.

– Прошу за мной, товарищи, – Огурцов шустро выбрался из машины и резво вскочил на коротенькие ножки, утонув по колено в прошлогодней траве. – Тут недалеко.

– А что делал протерпевший в глухом лесу? – Никита Егорович огляделся.

Колючие тени столетних деревьев затмевали солнце.

– Да разве ж он глухой? – еще шире улыбнулся колобок. – Тут с Цыпинска народ постоянно шастает. Туристы всякие. Грибы в августе начнутся. Ребятишки в войнушку и индейцев играют. Опять же-таки, дачи здесь близко.

– И никто раньше в лесу у вас не пропадал? – скептически спросил Горохов.

– Пропадали, конечно, ну так люди везде теряются. У нас это случалось не больше не меньше, чем в других краях и областях. Статистику вам не подскажу. Это вам надо в уголовном розыске узнавать, сколько без вести пропавших чис-

лится.

Огурцов поражал меня жизнелюбием.

– А у вас разве в прокуратуре учет не ведется? Уголовные дела по факту исчезновения людей ведь возбуждаете? – спрашивал Горохов с пристрастием.

– По умолчанию сто третью возбуждаем. Убийство. Но материалы у разных следователей. Большинство дел приостановлены уже давно.

– Но вы даже сверку и анализ не проводили? – продолжал наседавать Горохов, недовольно зыркнув на собеседника. – Сколько людей пропало за последние три года, товарищ Огурцов?

– Да проводили, наверное, сверки эти, – отмахивался короткими дутыми ручками Иван Петрович. – Этим у нас зампрокурора занимается, а я человек маленький. Мое дело расследовать и дела в суд направлять.

– Или приостанавливать их за отсутствием обвиняемого, – пробурчал Горохов.

– Что же делать, – оправдывался колобок. – Стопроцентной раскрываемости не бывает. Это утопия.

– Но стремиться к ней всё-таки надо, Иван Петрович, – назидательно проговорил Горохов. – Поднимите-ка все дела с пропавшими в области за последние пять лет. И мне на стол... Особе внимание уделите пропавшим подросткам. Вызовите их родителей, сам хочу с ними побеседовать. И нам еще нужна будет служебная машина. Та, на которой мы

приехали, вполне подойдет.

Горохов задумался, вспоминая, не упустил ли чего, и совсем не ожидал сразу получить ответ.

– Простите, Никита Егорович, – колобок виновато улыбнулся. – Но я не могу вам все это предоставить.

– Это почему? – Шеф остановился и отпустил еловую ветку, которую отогнул, пытаясь пройти.

Ветка распрямилась и просвистела над моей головой. Еле успел пригнуться.

– Потому что дело по факту исчезновения Тетеркина мы вам передавать не собирались.

– Как это? – глаза Горохова сузились.

Он отшвырнул дымящийся окурок с такой силой, что тот улетел почти на десяток метров.

– Мы вызвали вас в качестве консультантов.

– Чего?

– Ну... Следствие будет вести Брянская областная прокуратура. А вы...

– А мы на подхвате, так сказать, – продолжил за колобка Горохов, – Да?

– Ну... Можно и так выразиться. Но я бы сказал мягче – оказываете методическую и практическую помощь в расследовании преступления.

– Черт знает что! – Горохов плюнул и сломал другую ветку, которая норовила тыкнуть колючками в его лицо. – Никогда, Иван Петрович, ты слышишь, никогда, спецгруппа Го-

рохова не была на подхвате.

Шеф демонстративно развернулся:

– Везите нас в аэропорт обратно. Нам здесь делать нечего, – и процедил сквозь зубы: – Пацанов нашли, встали по свистку да вылетели, как же.

– Ну, вы можете хоть на труп взглянуть, – виновато улыбался Огурцов. – Раз уж прилетели. Мы почти пришли.

– Нет, – отрезал Горохов, чиркая зажигалкой и прикуривая вторую сигарету подряд.

– Вообще-то, Никита Егорович, есть приказ, – колобок отступил на всякий случай на пару шагов от Горохова, но говорил твердо. – Который обязывает вас оказывать нам содействие.

Улыбка не сходила с его лица, но и отступить местный следователь не собирался. Горохов прищурил один глаз, прикрыв его то ли от дыма, то ли от злости и, не вынимая из зубов сигарету, процедил:

– Пошли, посмотрим труп. Парень так-то не виноват, что вы такие умные здесь собрались.

– Вот и славненько, – колобок «покатился» по тропинке в глубь чащи, откуда несло сыростью и тленом.

– Но мы здесь долго не задержимся, – бросил ему в спину Никита Егорович, сотрясая зажатой в кулаке сигаретой. – У нас и без того дел хватает...

Глава 3

Мы прошли «козьими» тропами еще метров сто и оказались в сырой ложбине, склоны которой поросли коряжистым лесом с живой изгородью из кустов. Лучи солнца пытались пробиться сквозь деревья, но увязли в раскидистых кронах.

– Будто сумерки наступили, – Погодин тревожно огляделся. – Гиблое местечко.

– И зябко, – добавила Света, пожившись.

– Весна нынче ранняя у нас, – ответил Огурцов. – Тепло. А здесь всегда прохладно, даже летом.

Он снял пиджак и хотел протянуть его Свете. Шустрый малый! Только я его опередил и накинул на плечи девушки свою «шкурку» от «Большевички».

Костюмчик на мне не такой мешковатый, как на колобке. Почти франтовый, ведь купил я его уже после того, когда фабрика заключила контракт с буржуинами и стала использовать западные лекала, заточенные не под тела камрадов, а под мусье более благородных. И ярлычок на пиджаке соответствующий имелся: «МПТШО Большевичка. Сделано в СССР по лицензии фирмы Вестра Юнион СА, Франция».

Протопали по дну ложбины и свернули за поворот. Картина маслом. На земле распростерто тело подростка. Вокруг загорают милиционеры, человек в гражданке с фотокамерой и громоздкой фотовспышкой (явно местный криминалист),

пожилой сухонький мужичок в вязаной «бабушкиной» жилетке (похож на судмеда) и прокурорский работник в синей «летней» форме с петлицами советника юстиции.

Вся братия давно скучала. Жевала травинки, сшибала щелчками жучков и смолила сигареты. Оно и понятно. Время к вечеру, а оперативно-следственная группа с утра нас тут дожидается. Ну, сами виноваты, нечего было дергать спецгруппу на рядовое убийство, да еще в качестве непонятных консультантов, самостоятельно не вникнув еще в суть.

Нас так быстро сюда запульнули, что Горохов даже не успел разобраться, в качестве кого мы были направлены. Естественно, официальный приказ об откомандировании еще только рождался в недрах ГУУР МВД, а мы прибыли загодя, так сказать, по команде «фас». Такое часто бывает, когда дело не терпит отлагательств. Если бы мы еще официальную бумажку ждали, то бедолагам впору было бы разбивать палатки рядом с телом.

Завидев нашу делегацию, присутствующие оживились и перестали мять мох и пеньки пятыми точками.

Первым к нам подоспел «летчик» и представился:

– Здравствуйте, товарищи, рад видеть. Прокурор города Цыпинска Семен Афанасьевич Звягинцев.

Пожал всем руки. Остальные из его команды на рукопожатия не осмелились, разглядывали нас с нескрываемым интересом и некоторым благоговением. Виданое ли дело, прибыла знаменитая группа Горохова с Курсантом и Психоло-

гиней. Даже Федя и Алеша приосанились и повесили на свои довольные морды снисходительные улыбки.

– Здравствуйте, товарищи, – Горохов кивнул присутствующим и, выдернув руку из ладони прокурора, поспешил к трупу.

– Подождите, Никита Егорович, – я деликатно ухватил его за рукав и кивнул на почву возле тела. – Там след обуви.

Никому нельзя топтать улики, даже если это твой шеф.

Горохов остановился и многозначительно покачал головой, будто увидел след раньше меня и совсем не собирался его топтать.

– Слепок почему не сделали? – бросил он вопросительный взгляд на местных.

– Земля сырая и рыхлая, – начал оправдываться криминалист, который как братец напоминал Каткова (такой же солидный в талии и с щеками, которые видно даже со спины), – рельеф рисунка подошвы не отобразился. Я размеры снял, в протоколе осмотра зафиксировали, и сфотографировал его в масштабе.

– Все равно слепок сделайте, – наш шеф так и не примирился с ролью таинственного «консультанта» и по старинке отдавал распоряжения, на что и никто и не думал возражать.

Молоток! Так и надо.

– Есть! – криминалист наклонился и стал ковыряться в недрах потертого и исцарапанного тяготами службы пластикового чемодана, который больше напоминал разбухший ди-

пломат-переросток.

Подросток лежал будто по стойке смирно. Обычный пацан в трикотажном синем спортивном костюме. Кожа подернута трупной синевой с розовым оттенком.

Сутуловатый мужичок в вязаной жилетке, как я и предполагал, оказался судмедом. На огромном носу крепко сидели круглые очки.

– Штольц Карл Генрихович, – представился он и, пользуясь случаем, скромно пожал руку мне и Горохову.

– Рассказывайте, – снисходительно кивнул Горохов, вынимая из недр пиджака блокнот.

– Видимых телесных повреждений нет. Трупное окоченение отсутствует, – бойко начал вещать судмедэксперт. – Значит, время смерти не менее двух суток. А характер, выраженность и окрас трупных пятен, состояние кожных покровов позволяет утверждать, что время смерти не более трех суток.

– Вижу, что свежий совсем, – Горохов обошел тело. – И что же вас смущает? – Никита Егорович явно уловил в голосе судмеда неуверенность.

– Данные измерения внутripеченочной температуры. Я проколол под правым нижним ребром брюшную стенку и ввел щуп. Температура печени гораздо ниже окружающей среды.

– И что это значит? – Горохов оторвался от блокнота и вскинул на собеседника кустистую бровь.

– Что время смерти – больше чем три дня.

– Хм-м, – Никита Егорович погрыз кончик авторучки. –

Нестыковочка, однако...

– А еще меня смущает розовый оттенок трупных пятен.

Будто мальчик переохладился.

– Ночью в лесу холодно, ведь так?

– Не совсем... Последнюю неделю температура не опускалась ниже двенадцати градусов. А днем и больше двадцати иногда бывало. Вот как сейчас. В тени это, конечно, не чувствуется. И потом, если смерть наступает в результате переохлаждения, то человек, пытаясь согреться, погибает, принимая характерную позу эмбриона. Лежит на боку, подтянув колени к животу и прижав руки к груди. Этому невозможно противостоять. Я поэтому, собственно говоря, прямо здесь прокол и сделал.

– А тут поза нехарактерная совсем, – кивнул, соглашаясь, Горохов. – И вообще странная. Я бы сказал, постановочная. А розовый оттенок – может, реакция на отравление?

Мы с начальником переглянулись.

– Возможно, убили его не здесь, – согласился Штольц, – Я проведу вскрытие, возьму образцы на биохимию и гистологию. Тогда станет ясно. Вот только никак не могу объяснить, почему антропометрические показатели потерпевшего совсем не изменились за три года, будто он сохранил биологический возраст тринадцатилетнего подростка. Это прямо загадка.

Да, на такое ответа не дашь, и даже версии пока выдвигать затруднительно. Под впечатлением от таких странных обстоятельств мы, кажется, все разом забыли о недавней стычке и сосредоточенно думали.

– А родители что говорят?

– Они были здесь, – вмешался Огурцов, – пережили шок от увиденного. Подтвердили, что Витя совсем не изменился с момента исчезновения в 82-м. Даже прическа такая же осталась. Будто пропал всего лишь вчера.

Светлана зябко повела плечами. И вряд ли только от прохлады в тенистом лесу.

– Подногтевое содержимое изъяли?

– Соскобы сделали, но ногти чистые. Ни крови, ни фрагментов посторонних тканей на первый взгляд нет.

– След обуви соответствует сорок третьему размеру, – вмешался Катков, ползая с линейкой возле нечетких вдавленных отпечатков, один из которых уже заливал белой кашцей гипса местный криминалист.

– Справочку черкани про это, – одобрительно проговорил Горохов.

Алексей кивнул и переключился на криминалиста:

– Ну кто так гипс льет? Воды набухал, что до завтра сохнуть будет! Арматуру поставил?

– Какую арматуру? – сник эксперт.

– Деревня, – фыркнул Катков и сломал несколько тонких веточек, – Вот смотри, ставим палочки в гипсовую массу и

сверху еще заливаем, чтобы армировать слепок, и он не сломался у тебя в руках. Понял?

Видно было, что провинциальному эксперту нечасто приходилось работать с гипсом. Скорее всего, и преступлений у них особо серьезных не было. А если и были, то в большинстве своем совершались на бытовой почве и раскрывались в дежурные сутки по горячим следам.

– Местность прилегающую исследовали? – спросил я Огурцова.

– Прочесали все вокруг с собакой, – кивнул тот. – Ничего подозрительного. Несколько туристических стоянок с прошлогодними размытыми кострищами. Следов транспортных средств тоже не обнаружено.

– Если его убили не здесь, – Горохов делал пометки в потрепанном с махровыми краями блокноте. – то, стало быть, притащили сюда на горбу. До дороги тут не так близко. Значит, либо убийц было двое, либо злоумышленник невероятно физически развит и вынослив.

– Скорее всего, один человек был, – уверенно заявил Катков. – Дорожка следов только из отпечатков сорок третьего размера обуви.

– А если у них размер ноги одинаковый? – скептически заметил Горохов.

– Нет. Хоть детальных признаков в следах и не отобразилось, но могу утверждать, что оставлены все они одной парой обуви. Задний срез подметки обувки необычный – ско-

шенный.

– Молодец, Алексей, фиксируй там себе, пожалуйста, детально, а то нас до протокола осмотра не допускают, – последние слова Горохов проговорил язвительно, с хитринкой поглядывая то на Огурцова, то на Звягинцева.

– Извините, Никита Егорович, – пожал плечами последний. – Мы никак не хотели перекладывать на вас это дело. Понимаем, что ваш профиль – серии. Просто случай крайне необычный.

– Что-то вы, Семен Афанасьевич, недоговариваете, – Горохов был стреляный воробей и не поверил словам прокурора. – Мало ли по Союзу диковинного происходит. А тут – срочный вызов.

– Да, вы правы, – понизил голос тот и тихо добавил, чтобы не слышали присутствующие, кроме меня. – Мальчик этот просто уже не первый.

– Как так! И вы молчали? – слишком громко удивился Никита Егорович.

– Прошу вас, тише, – прокурор потянул следователя за локоток в сторону, подальше от посторонних.

Я наострил уши и подошел к ним поближе, вклинившись в их тет-а-тет.

– Месяц назад нашли еще одного подростка. В лесу, недалеко от этого места, – Семен Афанасьевич коротко махнул рукой в сторону чащи. – Тот пропал не так давно. Полгода назад. Труп обнаружили также без телесных повреждений.

Пацану двенадцать было. Мы думали, замерз в лесу. Тогда еще прохладнее гораздо было. Но одежда на нем чистая. Не бродил он долго по чащобам. Март у нас ненастный был, хотя до минусовой и не опускалась температура. Думали, заблудился и замерз. Вот только он тоже за полгода не изменился. Но мы тогда на это внимания не обратили. Списали все на шок родителей. Сами понимаете, что полгода – срок не такой большой, чтобы поверить в такой казус.

Я нахмурился. Вроде бы, все так. Но это если говорить о взрослом. Вот у этого Семена Афанасьевича, наверное, тоже дети есть. Меня так и подмывало спросить его, неужели его сын или дочь за последние полгода совсем не изменились? Впрочем, я воды не баламутил и помалкивал.

– Почему дела не объединяете? – возмутился Горохов.

– Так не было дела, отказной материал. Ложкин, погибший мальчик, часто убегал из дома. Скитался по вокзалам, дачам. У каких-то сомнительных друзей ночевал. Родители даже не сразу заявили, когда он исчез. А когда труп нашли, он также лежал по стойке смирно. Штольц вскрытие проводил, сказал, что смерть наступила от переохлаждения. Уснул в лесу на земле и все. В крови никаких ядов и препаратов не обнаружено. Рутинный, можно сказать, был случай, хоть и не рядовой. А тут второй труп. И разница с момента исчезновения до обнаружения – целых три года. И возраст почти одинаковый с Ложкиным.

– Так у вас тут что? Серия намечается? – Горохов потирал

руки, будто попал, наконец, в свое царство.

Прокурор помолчал, сжав губы, но только несколько секунд.

– Похоже на то... Но мы пока тот отказной отменять не будем. Пускай пока одно дело возбуждено. Чтобы раньше времени народ не будоражить. Представляете, что может начаться? Как мы людям объясним, что дети пропадают и загадочным образом умирают спустя много месяцев? Такая ерунда вмиг мистикой обрстет. Слухи поползут ненужные, у нас и так в области про чертовщину любят поговорить. Еще с партизанских времен остались поверья, что по лесам бродят духи нацистов.

– Скверное дело, – согласился Горохов, закуривая «Мальборо». – Значит так, Семен Афанасьевич... Дело все-таки я у вас заберу, и мы задержимся с группой в ваших краях. Соответствующие документы я подготовлю, а вы со своей стороны не ставьте палки в колеса.

Звягинцев поднял брови и повел плечами.

– Да мы и не думали, Никита Егорович. Просто не хотели вас обременять бумажной волокитой. Думали привлечь в качестве консультантов.

– Консультанты за вознаграждение работают, а мы на бюджете, – скривился в улыбке Горохов. – Вот и договорились. И материал мне отказной этот из архива добудьте. Мне нужна полная картина.

– Сделаем, Никита Егорович... Машину служебную вам

выделим с водителем.

– Водитель не нужен, сами справимся. А вот кабинет не помешает.

– Это само собой.

* * *

Заселились мы в гостиницу «Заря» в Цыпинске. Мне, как бывалому сотруднику, даже достался одноместный номер. Горохов, естественно, тоже поселился в отдельном. Света, как единственная девочка в нашей команде – тоже. А вот Погодину не повезло. Ему предстояло засыпать под богатырский храп Алексея.

Вечером собрались в ресторане гостиницы. Как полагается, отметить прибытие.

Заказали салат «столичный», жульен из курицы и прочий винегрет. И как водится, ноль пять беленькой, которая под закуску приказала долго жить уже буквально через несколько минут.

Приглушенный свет и ненавязчивая музыка располагали к продолжению вечера, но никто не осмеливался предложить Никите Егоровичу заказать добавки горячительного. Тот, впрочем, и сам был не против. Только-только раскраснелся и раздобрел. Глазки его поблескивали, как у мартовского кота, в предвкушении очередного интересного дела, которое, возможно, может оказаться самым запутанным в

нашей карьере.

Поймав на себе просящие взгляды и очаровательную улыбку Светланы Валерьевны (та хоть и употребляла вполовину меньше каждого из нас, но тоже немного словила кураж) шеф покряхтел, похмурился, ослабил галстук и поднял руку, подзывая официантку. Велел ей повторить беленькую, а на нас глянул отеческим взглядом и назидательно проговорил:

– Только без фанатизма, товарищи... Завтра на службу, голова нужна ясная, поэтому никакого вина и пива...

Заиграл медляк. «Летний вечер» Стаса Намина. Отечественный рок постепенно пробивал себе дорогу на большую эстраду, вырастая из самодеятельного неформата в масштабное движение.

Пока Горохов в сотый раз рассказывал байку о своей службе в армии (в неформальной обстановке шеф был еще тот весельчак, только байки травил одни и те же), Света потянула меня за локоть и, склонив голову к моему уху, тихо проговорила:

– Потанцуем?

Я молча кивнул, искоса взглянув на наших напарников. Те делали вид, что слышат историю о злобном прапорщике и находчивом сержанте Горохове впервые, кивали и уплетали грузди в сметане.

Я вышел из-за стола и пошел за Светой на пионерском расстоянии. Хотелось взять ее за руку, но я всё ещё чувство-

вал на себе любопытные взгляды коллег. Особенно сверлящий взор Каткова. Скорее всего, это был он, кто бы еще мне так завидовал?

Зал ресторана изгибался за массивную колонну, что подпирала потолок мраморным айсбергом.

– Тут лучше музыку слышно, – улыбнулась Света и утянула меня за колонну. Мы очутились возле приступка сцены. Редкие посетители виднелись за соседними столиками. Но нашего стола не видно. Колонна перекрывала обзор.

Я сжал пальцами горячую ладонь Светы, другую руку положил ей на талию. Притянул ее к себе, ожидая некоторого сопротивления, но не получил его. Света уткнулась в меня упругой грудью. Чуть отстранилась, будто опомнившись, но не слишком. Что-то щебетала, рассказывая мне о играющей сейчас песне, которую она когда-то слышала вживую. Мне все равно было на товарища Намина, на рок-музыку и прочую хореографию. Я с наслаждением вдыхал запах ее волос, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Улыбался и кивал Свете, делая вид, что мне крайне интересна судьба отечественного андеграунда.

Песня закончилась слишком быстро. Я даже немного разозлился на автора. Мог бы еще пару припевов воткнуть в конце. Душевная же композиция...

Света кокетливо присела в легком реверансе, благодаря за танец. Но мои руки почему-то не хотели ее отпускать. Я притянул ее к себе и поцеловал.

Не знаю, какая песня была следующей. Я даже не слышал. Для меня весь воздух звенел пьянящей тишиной и осторожными стонами саксофона.

Глава 4

Кабинет нам выделили просторный, на первом этаже городской прокуратуры, временно выселив из него четверых местных следователей. Одного из них Звягинцев отправил в отпуск, а остальных рассовал по соседним кабинетам, потеснив коллег. Хороший прокурор. Гостеприимный.

Самолюбие Горохова было полностью удовлетворено. Да и мое тоже. Обычно в командировках со служебной жилплощадью вечно приключался напряг. Где нам только не приходилось ютиться – в актовом залах, в ленинских комнатах и прочих «чуланах».

– Какие мысли будут, товарищи? – Горохов пыхал сигаретой и как всегда мерил шагами простор нового рабочего места.

Когда он размышлял, не мог усидеть на месте. Подгонял кровь к голове, смоля излюбленный «Мальборо».

Учитывая мой собственный перенос во времени, на ум приходил фантастический вариант развития событий в Цыпинске. На первый взгляд подростки будто тоже перескочили через пространственно-временной континуум, или как там его по-научному обзывают. Что-то вроде попаданцев, в которых, честно говоря, я уже сам почти перестал верить. Еще лет пять, и я буду считать, что прошлая жизнь мне приснилась, а я всегда был Андреем Петровым. Но сразу двое

в одном месте и почти в одно время – в такие совпадения я не поверил бы даже тогда, когда только пришел в себя в теле выпускника советской школы.

– Факт убийства еще не подтвержден, – заметил Катков. – Штольц с шести утра на ногах, проводит вскрытие. Я с ним созванивался, как что-то прояснится, он сразу сообщит.

– В таком возрасте, Алексей, мальчики просто так не умирают, – скривился Никита Егорович. – Голову даю на отсечение – их убили. Что думаете, Светлана Валерьевна? – повернулся он к Психологине.

Света сидела в дальнем углу за столом (у каждого был отдельный стол – красота), погруженная в какие-то грустные мысли. Услышав свое имя, будто очнулась. Я не сводил с неё глаз. Надеюсь, она думала про меня и вчерашний поцелуй. Но почему на лице тень тоски? Совесть мучает, что замужняя женщина позволила себе немного лишнего? Сапожник без сапог, разбирается в потемках душ посторонних людей, а в себе никак разобраться не может.

Вчера после ресторана я проводил ее до номера и на прощанье чмокнул в щечку, пока остальная наша команда весело горланила «Черного ворона», чуть отстав в коридоре гостиницы.

Хотел, конечно, просочиться к ней в номер. На чай, например, но Света захлопнула дверь перед моим носом, одарив напоследок лучезарной улыбкой. Вот блин... Честная. Мужу не изменяет. А вообще есть ли он у нее? Насколько

я знаю, формально – имеется. Вот только ни одного слова о семье, очаге и прочих супругах она никогда не высказывала. Может, скрытная, а может, там все не так хорошо... За много лет я так и не раскусил Свету. Нашей взаимной симпатии вечно что-то или кто-то мешал. И вот сейчас она окольцована.

– Что вы сказали, Никита Егорович? – встрепенулась Светлана, придав взгляду осмысленность и распрямив спину.

– Соберитесь, товарищи, – прокряхтел Горохов, ловко сбивая пепел в фарфоровую кружку с зайчиком. – Я говорю, какой психотип убийцы вы видите, Светлана Валерьевна? Поделитесь с коллегами?

Света наморщила носик и забарабанила отточенными коготками по столешнице:

– Пока рано об этом говорить. Причина смерти, способ лишения жизни не ясны. Соответственно, мотив не прослеживается.

– Что же мы будем ждать, когда кого-то еще убьют? – фыркнул следователь.

– Формально их уже убили давно, – пришел я на помощь Светлане. – Если и будут еще трупы, тьфу-тьфу, то подозреваю, что из числа ранее пропавших людей.

– Как это? – Горохов остановился и внимательно на меня уставился.

– Почему мальчики не изменились внешне? – начал рас-

суждать я. – Скорее всего, их убили примерно в то время, когда они и пропали. А потом тела заморозили. Вот они и сохранились без изменений.

– Интересная версия, – Горохов одобрительно закивал. – Продолжай, Андрей Григорьевич.

– Убийца разморозил тела спустя время и подбросил их в лес. Туда, где они изначально потерялись. Возможно, хотел навести на свои действия некую мистическую составляющую.

– Но почему медэкспертиза не определила факт заморозки трупа? Ложкина нашли месяц назад. Исследовали по полной.

– Я беседовал со с судмедом Штольцем, – взял слово Погодин. – Он сказал, что на момент обнаружения трупа Ложкина в нем наблюдались выраженные гнилостные изменения. В лесу тело пролежало не меньше недели. Его не сразу нашли, как Тетеркина. При таком раскладе признаки замораживания тела могли необратимо утратиться. Гусиная кожа, уровень гликогена в мышцах и другие косвенные признаки – просто стало невозможно проследить.

– Хм-м... – Горохов, потирал руки. – Это подтверждает версию Андрея Григорьевича. Стало быть, вся надежда на результаты вскрытия Тетеркина. Что ж... Подождем.

Не успел шеф закончить фразу, как зазвонил телефон. Мы все смотрели на трубку, как загипнотизированные.

– Слушаю, Горохов. А-а... Карл Генрихович! Только что

вас вспоминали. Рассказывайте, дорогой, чем обрадуете? Так... Ага. Секунду, я записываю. Хм-м... Это точно? Ясно. Спасибо, что оперативно сообщили. Готовьте официальное заключение. Но не торопитесь. Информации нам пока устной хватит. Если вскрыется что-то новое, прошу немедленно позвонить. Спасибо, до свидания.

Никита Егорович положил трубку и обвел нас интригующим взглядом.

– Ну, что он сказал? – первым не выдержал Погодин, ерзя на стуле и шмыгая носом.

– Андрей Григорьевич был брав, – завил Горохов. – Причина смерти Тетеркина – переохлаждение.

Шеф придвинул блокнот и стал зачитывать все, что наговорил ему Штольц:

– Трупные пятна розоватым оттенком, присутствует эффект «гусиной кожи», переполнение левой половины сердца красной кровью со свертками, наличие пятен Вишневого, точечные кровоизлияния в слизистую лоханок почек, отсутствие гликогена в печени...

– А гликоген тоже Штольц замерял? – скептически спросил Катков.

– Химики быстро анализ провели. Молодцы, просьбу Звягинцева выполнили как надо. Также есть повреждения трупа на клеточном уровне, связанные с кристаллизацией жидкости в организме.

– А сами они замерзнуть не могли? – спросил Погодин.

– В случае с Тетеркиным – это исключено, – замотал головой шеф. – Он пропал три года назад в конце апреля. В этих краях морозов и так почти не бывает, уж тем более – в такой месяц.

– Получается, у нас серийный убийца? – включилась в работу Света. – Возможно, жертв уже гораздо больше. А мы ничего не знаем.

Меня слегка передернуло от мысли, что где-то могут храниться до времени другие тела.

– Совершенно верно, – Горохов сел за стол. – Нужно поднять все материалы по без вести пропавшим подросткам за последние пять лет. Не думаю, что их много наберется. Я позвоню Звягинцеву, он организует. Прошерстим список, отработаем родственников. Наша задача – найти связующее звено между жертвами. Проверить все предприятия, где имеются габаритные морозильные установки. Мясокомбинат, торговые склады.

– Морг еще, – кинул веское слово Погодин.

Горохов на миг задумался, но Катков вмиг рассеял его сомнения, блеснув экспертными знаниями, хотя и не совсем по профилю (судебная медицина хоть и пресекается с традиционной криминалистикой, все же стоит особняком и специализируется на исследовании не следов, а людей, живых и мертвых):

– Температура в холодильной камере морга – примерно плюс два градуса, такой режим препятствует развитию гни-

лостных изменений, но к обледенению не приводит.

– А может, здесь какая-то секретная лаборатория в городе? – предположил Погодин. – Ставит опыты над людьми?

– Федор, – поморщился Горохов. – Не собирай ерунды.

– А что? – не сдавался тот. – Я в журнале «Наука и жизнь» читал, что для полетов к дальним планетам космонавтов хотят погружать в криосон. Ну это заморозка такая. Обменные процессы прекращаются, и люди не стареют. Совсем как наши потерпевшие.

– Федя, – фыркнул Никита Егорович, – Где космос и где Цыпинск? Чувствуешь разницу?

– А может, тогда кто-то проводит эксперименты по оживлению замерзших людей? – не унимался Погодин. – Какой-нибудь безумный ученый.

– Беляева поменьше читай, – язвительно бросил Горохов. – У того вообще голова разговаривает.

* * *

Ревизия уголовных дел прошлых лет особого результата не дала. Выяснилось, что за последние пять лет бесследно пропал всего один подросток. Были, конечно, и другие потеряшки, но их нашли. Кого живыми, кого мертвыми. У тех, кто погиб, причина смерти никак не подходила под почерк Холодильщика (такое прозвище я дал Цыпинскому убийце).

Горохов отправил меня проверить по месту жительства

этого самого мальчика, который пропал четыре года назад, и скорее всего его уже не было в живых. Юрченко Вадим. На момент исчезновения в 1981 году ему было пятнадцать лет.

– А можно я Светлану Валерьевну с собой возьму? – спросил я шефа, когда тот нарезал мне задачи.

– Зачем? – он посмотрел на меня с хитринкой.

Интересно... Заметил ли Никита Егорович наши вчерашние взаимные флюиды с Психологиней? Шеф очень проницательный человек. В работе... А вот все, что касается отношений и взаимодействия между людьми, в этом он не преуспел. Но ему простительно... Сам в разводе, и работа заменила ему семью. Он, наверное, считает, что у настоящих правоохранителей должно быть у всех так. Зуб даю, он даже, наверное, не помнит, что Катков женился в прошлом году.

Алексей нашел себе женщину чуть постарше (точнее, она его нашла), которая вмиг охомутала парня и затащила под венец. Тот слишком не сопротивлялся. С радостью побежал во взрослую жизнь, ведь за свою бытность голой титьки не видел, наверное, а тут на тебе – невеста целая сразу. Жена заменила ему маму, названивала на работу и собирала туески с обедом на службу. Нянькалась с Алёшей, как с любимым сыночком. Обхаживала и откармливала, отчего Катков немного прибавил в весе. Он и раньше не был стройняшкой, а сейчас по габаритам приближался к Обеликсу... Но, несмотря на «замужество», Алексей частенько вздыхал и бросал томные взгляды в сторону Светы.

– Я навел справки у местного участкового, – ответил я шефу, соображая, как бы правдоподобнее обосновать свою просьбу. – Тот сообщил, что семья Юрченко не совсем благополучная. Выпивающая. Кроме погибшего Вадима – других детей нет. Супруги проживают в доме в частном секторе Цыпинска. Я привык дело иметь с отморожками, а не с маргинальным элементом, Никита Егорович. Светлана Валерьевна с своим знанием психологии общения, надеюсь, поможет мне наладить контакт с соответствующим контингентом. И потом... У них ребенок пропал, может, они до сих пор переживают. Тем более тут подход тонкий нужен.

– Согласен, – искренне закивал Горохов и протянул ключи. – Возьмите служебную машину.

Мы вышли со Светой на крыльцо. Вокруг, вроде, никого, только воробьи купаются в теплом песке. Я приобнял девушку за талию. Та деликатно убрала мою руку.

– Андрей, – тихо проговорила она, оглядываясь, будто ее застукали на месте преступления. – Вчера я немного была не в себе.

– Не переживай, Светик, – улыбнулся я. – Мы ничего такого не сделали. Подумаешь, дружеский поцелуй.

– Я замужем.

– Помню, но мы же друзья? Не только коллеги.

Света в ответ лишь вздохнула. Интересно, она уже разложила мой поступок по Фрейду, как ее учили? Или с близкими такое не прокатывается? От мысли, что она видит меня

насквозь, мои плечи передернулись. Но паниковать рано. Я себя сам-то не могу понять, а психолог тем более не разберется.

Мы сели в черную «Волгу», которую любезно предоставил нам Звягинцев, и выдвинулись по нужному адресу.

Частный сектор раскинулся на окраине города, перемежаясь с подпирающим Цыпинск дачным поселком. Теперь трудно было судить, где дачи, а где дома. Многие и жили на дачах круглогодично. Климат позволял.

Вот и нужный дом. Я ожидал увидеть что-то вроде хибары на курьих ножках, но, к моему удивлению, это оказался старый особняк из почерневшего от времени бруса. Но солидность строение давно потеряло. Облупившаяся краска на заборе и наличниках, покосившийся штакетник все-таки опустили жилище на уровень хибары. Просторной и добротной, но хибары.

– Хозяева! – крикнул я, распахнув калитку и осматривая заросший травой двор, выискивая признаки присутствия псины. Но цепочка нигде не брякнула, никто не гавкнул, да и будки с собачьими какашками в поле зрения не наблюдалось.

Хозяев тоже не было на горизонте. Я ступил на скрипучее крыльцо. Одна доска прогнила и давно провалилась, я аккуратно кивнул на это своей спутнице, чтоб не оступилась. Потянул за ручку двери и очутился в доме. Просторный холл-кухня (как в элитных дачах этих времен, возможно, раньше это и была номенклатурная дачка) встретил прогорклым за-

пахом дешевого табака, застарелых досок и крысиных хвостов.

– Тук-тук! – громко крикнул я, топчась в пороге. Хотел разуться, но глянул на пол и сразу перехотел.

– Кто? – недовольный хриплый голос с похмельным окрасом раздался из спальни.

– Милиция! Гражданин Юрченко?

Из спальни нарисовался заспанный детина в замызганной тельняшке и дырявых выцветших трико с разводами.

Уставился на нас небритым прищуром, убирая со лба слипшиеся пряди волос, чтобы лучше нас разглядеть.

– Ну, я Юрченко, – пробурчал он. – Чего надо?

– Капитан милиции Петров Андрей Григорьевич, – представился я, но ксиву не стал доставать. Много чести будет.

– Присаживайтесь, Леонид Сергеевич, – распорядился я по-хозяйски и сам первый уселся на самодельный табурет цвета обожжённой черепахи.

Юрченко послушно сел напротив за стол. Света брезгливо огляделась, поморщилась и, поджав губы, осталась стоять.

– У вас в январе восемьдесят первого пропал сын Вадим, – начал я. – По этому поводу мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

– Ха... – хлопнул по столу с грязной посудой Юрченко. – Очнулись! Три года уже прошло.

– Четыре, – уточнила Света.

– Ну, да. Да... – закивал Леонид, обдав мое лицо свежим

перегаром.

– Расскажите, как он пропал? – спросил, я дивясь, что родной отец не помнит доподлинно, когда его ребенок исчез. Хотя, судя по батарее стеклотары, выстроившейся неровными рядами под столом, в жизни его заботит не слишком много вещей. Обстановка в доме полубичовская. Но на столе обрезки колбасы и вскрытые бычки в томате. Да и водка магазинная, не дешевая. Судя по всему, родитель где-то работает, и деньги у него водятся. Но вряд ли задерживаются.

– А я помню? – недовольно пробурчал алкаш. – Ушел и пропал.

– Куда ушел?

– Известно куда, в лес. Леса у нас гиблые.

– Что-то вы не слишком переживаете по этому поводу? – холодно проговорила Света.

– Вы Вадика искать пришли или меня воспитывать? – зло бросил Юрченко, обернувшись на Свету.

Разглядев, наконец, новую собеседницу, он ослабил в сальной улыбочке:

– А вы, дамочка, тоже из милиции будете? Или из школы учительша?

– Я вам не дамочка, а капитан милиции.

Детина в ответ довольно побряхтел, ощупывая Свету взглядом от голых коленок до выреза блузки на груди. Я еле сдержался, чтобы не залепить ему отрезвляющего леща, показательно прочистил горло и поспешил перевести разговор:

– Гражданин Юрченко, вы где работаете?

– На мясокомбинате, – ответил тот, нехотя оторвав взгляд от Светы. – Холодильные установки чиню.

На секунду повисло молчание.

– А размер обуви у вас какой? – спросил я, оглядывая зону прихожей в поисках обуви хозяина дома.

Глава 5

– Сорок третий размерчик, – ответил Юрченко. – А что?

Я встал и взял один из его башмаков. Осмотрел подметку. Точнее, ее задний срез. Вроде похож на тот, который в лесу отобразился. Но много таких обуток по СССР гуляет. И размер один из самых распространенных.

Дверь в дом распахнулась, и на пороге появилась женщина неопределенного потасканного возраста в штопанном платье. Поверх платья на плечи накинута истерзанная козья шаль, на ногах калоши с порванными задниками.

– Ну, наконец! – прогремел хозяин. – Тебя только за смертью посылать.

Тетя стояла на пороге и прижимала к груди, словно ребенка, бутылку «Столичной», хлопала на нас испуганными глазенками, под одним из которых сиял свежий фингал цвета грозовой тучи.

Что ж, вот и хозяйка. В магазин бегала за опохмелом. Сухой закон-то Миша Меченый только через пару месяцев замутит. Проблем с горячительным в магазинах пока нет.

– Проходите, – кивнул я ей, будто сам был хозяин. – Мы из милиции.

Та, не снимая калош, протопала к столу и водрузила на него бутылку. Глянула на мужа взглядом побитой собачонки и скрылась в комнате.

– Гражданочка, – окликнул я ее. – Мы с вами тоже хотели побеседовать. Это касается вашего сына.

– Вадика? – испуганно выдохнула она, чуть высунувшись из комнаты.

Глаза ее заблестели от влаги, она всплеснула руками и сжала тонкие потрескавшиеся губы.

– А что с ней разговаривать? – буркнул Леня. – Баба ничего не знает. На шее у меня сидит.

– Это нам решать, знает она или нет, – осадил я его.

– Меня Антониной зовут... Я все скажу, – вдруг еле слышно пробормотала женщина.

– Скройся, курва! – хлопнул кулаком по столу Юрченко.

Бутылка водки покачнулась, но устояла. Антонина исчезла в комнате.

– Это ты ее так воспитываешь? – кивнул я на дверной проем, где скрылась женщина. – Я про синяк.

Воздух в комнате как будто бы потяжелел. Хозяин, и до этого не проявлявший приветливости, теперь глядел диким лесным зверем.

– А это не ваше дело, гражданин начальник, – оскалился Юрченко. – Как говорится, чужая семья – потемки. С бабой своей я сам как-нибудь разберусь.

– А если мы заявление на побои от нее примем? Посмотрим, кто в потемках тогда будет.

– Пусть только попробует на меня что-то накатать, – громко проговорил Леня, повернувшись к комнате, будто отвечал

не мне. – Прибью гадину.

Я многозначительно кивнул Свете. Та поняла меня без слов и направилась в комнату вслед за хозяйкой.

– Э-э... Куда? – Леня встал, преграждая ей дорогу. – сказал же, без толку с ней разговаривать. Не в себе она, даже на работу не берут.

Я дернул его за руку так резко, что Леня бухнулся обратно на табурет:

– Жопу прижал, я сказал! Без тебя разберемся...

Света все же прошмыгнула в комнату, а Юрченко уже не отрываясь смотрел на меня налившимися кровью глазами. Диалог у нас явно не заладился, ну так и хрен с ним. Сейчас мне гораздо интереснее было узнать, что скажет Антонина. Уж Света умеет разговорить людей. Самое главное – не дать ее супругу помешать в этом. Уж больно она забитой выглядит. Куда только местный участковый смотрит. Даже если заяв нет, такую семейку профилактировать надо. Пока Юрченко здесь бурчит, Антонина чувствует угрозу. Надо как-то разрядить обстановочку.

В моей голове созрел план, как изолировать дебошира.

– Уймись, Леня, – уже миролюбивей проговорил я. – Мы же помочь хотим, а ты ерепенишься.

– Знаю я вашу помощь, – капнул ядом тот, скребя ногтями по корявому носу в красную прожилку. – Сколько лет прошло, а Вадьку не нашли. Что толку от вашей помощи?

– А как же мы его найдем, если ты нам не рад и ничего

не говоришь? Давай, лучше-ка подлечись маленько. Может, вспомнишь чего...

Я взял бутылку и откупорил ее. Плеснул водки в замызганный граненый стакан с присохшими на дне чайниками примерно до трети объема.

– Один не пью, – насупился Леня. – Жену подожду.

– Давай тогда со мной, – предложил я и взял с полки стакан почище.

Брезгливо поморщился, дунул в него и вздохнул.

– Я думал, менты на службе не употребляют, – вскинул на меня мохнатые брови хозяин.

– А что мы, не люди, что ли? – я налил себе раза в два поменьше, поднял стакан и потянул руку для чоканья.

От такого жеста Леня, естественно, не удержался. Взял свою тару. Дзинь. Стаканы соприкоснулись и жалобно звякнули.

– Никогда не пил с ментом, – выдохнул Леня и умело заглотил жидкость.

Я в это время незаметным жестом выплеснул содержимое стакана под стол. Водка исчезла в частоколе пустых бутылок и грязи.

Тут же поднес пустой стакан к губам, сделал вид, что пью. Покряхтел, поморщился.

– Хреновая водка, – выдохнул я, занюхивая рукавом.

– Сам ты хреновый, – будто обиделся Леня.

– Ну, давай еще, – кивнул я. – Может, не распробовал.

Разлил. Дзинь. Трюк с выплеском под стол повторил вновь. А вот Юрченко уже засандалил полстакана зараз (я специально больше ему налил). Взгляд у него поплыл. Пока все по плану.

– Пошли покурим, – предложил я, глядя как расправляются морщины на массивном лбу неохотного собеседника.

– А сигареты-то хоть есть? Чем дымить-то будем?

– Найдем, – кивнул я, хотя последних у меня и в помине не было.

– Давай здесь посмолим, – махнул рукой хозяин и подвинул на середину стола консервную банку из-под кильки, которая напоминала обожжёного ежика, только вместо иголок во все стороны топорщились пожелтевшие бычки.

– В доме не курю. Ни в своем, ни в чужом, – отрезал я и встал, направившись к выходу, при этом громко проговорил. – Светлана Валерьевна, мы выйдем подышим.

Юрченко обеспокоенно глянул на комнату, откуда доносились приглушенные женские голоса.

– Ты идешь? – махнул я ему. – Или без курева останешься.

Тот, уже изрядно захмелев на старые дрожжи, немного раздобрел, а мысль о халявном куреве сделала свое дело. Он неловко переступил через порог:

– Иду, начальник.

Мы вышли во двор. Я похлопал себя по карманам и недоуменно проговорил:

– Черт! Сигареты в кабинете оставил.

– Ну ты растяпа, начальник, – пробубнил Юрченко и хотел тут же зайти обратно в дом.

Но я преградил ему путь:

– Пусть женщины посеCRETничают. Подыши воздухом.

– Э... Пропусти! – Юрченко попытался меня отодвинуть.

Я схватил его за правую кисть и вывернул рычагом наружу. Тот охнул и присел на колени:

– Пусти, начальник! Больно!

Я ослабил хватку. Дитина высвободился и бросился на меня, пытаясь зарядить в глаз кулаком. Я полушагом ушел в сторону и толкнул его обеими руками. Тот с грохотом впечатался в дверь.

Развернулся и кинулся на меня снова. Я отступил, подождal, пока туша почти поравняется со мной, снова ушел в сторону, поставив подножку.

Леня кубарем скатился с крыльца, сломав еще одну доску. Кухонный боец громко матюгался и проклинал меня последними словами.

Из-за забора высунулись любопытные соседи. Отлично. Вот и свидетели есть.

– Обратите внимание, граждане, – махнул я рукой пожилой паре, что глазела на нас с изумлением. – Гражданин Юрченко, будучи в нетрезвом состоянии, напал на сотрудника милиции при исполнении.

Соседи, почувствовав, что пахнет жареным (видно, тоже побаивались Юрченко), мигом скрылись за досками забора.

Но мне их кратковременного присутствия было вполне достаточно. Главное, чтобы Юрченко проникся ситуацией. А он, как бы громко ни пыхтел, мои слова отлично расслышал.

Я придавил коленом его к земле, завернул руки за спину и застегнул на запястьях наручники.

– За что? – вопил тот. – В собственном доме менты крутят!

– Было бы за что, вообще пристрелил бы, – процедил я. – А так посидишь сутки в обезьяннике. Для профилактики, так сказать.

– Не имеете право! – он вдруг снова стал называть меня на «вы». – Я буду жаловаться в прокуратуру!

– Могу адрес подсказать, – хмыкнул я. – И телефон.

Я выволок его на улицу и посадил в машину. Лишившись родных стен, да в оковах, Юрченко вдруг присмирел. Сопел, вздыхал и бубнил под нос что-то про беспредел милиции.

Честно сказать, он меня здорово раздражал. Сам напросился. Увезу в отдел. Там сдам участковым, те мигом нарисуют какой-нибудь левый протокольчик, например, за нахождение в пьяном виде в общественном месте.

Чую, что-то Леня недоговаривает. Надо будет с ним в «казематах» более детально поработать. Но это утром.

Минут через двадцать вышла Света. Лицо озабоченное, морщит лоб.

Мы отошли в сторонку:

– Чем обрадуешь?

– Антонина боится мужа, – ответила она.

– Это и без психологии ясно, – улыбнулся я.

– Я так и не смогла ее разговорить. Но она переживает по поводу сына. Это ее прямо гложет. И видно, что винит в чем-то мужа...

– А вот это уже интересно. Что еще рассказывала?

– Что Юрченко частенько ее покалачивает. Заявление, конечно, она на него наотрез отказалась писать, но обмолвилась, что раньше сын за нее заступался. А теперь некому. Даже расплакалась.

– Хм-м... Сколько Вадиму было? Пятнадцать? И как он с таким боровом справлялся?

– Похоже, что никак. Тоже получал от отца.

– Ясненько. Щас этого ублюдка отвезем в милицию. Там с ним побеседуем. Есть у меня мыслишка. Ты в театральном кружке когда-нибудь занималась?

* * *

На утро следующего дня я распорядился, чтобы Юрченко привели в комнату для разбора. Мрачный кабинет без окон при «обезьяннике» – то, что нужно.

Я входил не спеша. Заодно удостоверился, что вчерашнюю спесь с задержанного как рукой сняло. Трезвый и подавленный, он смотрел на меня исподлобья, ерзая на приваренной к полу скамье, перебирая «мазутными» пальцами (вчера

его дактилоскопировали, а такая краска плохо отмывается). Я с деловым видом разложил на железном, выкрашенном в цвет синюшных стен столе, бумажки и сочувственно кивнул задержанному.

– Плохи твои дела. Леонид, очень плохи... Но – сам виноват.

Ничего больше не добавив, я стал заполнять бланк протокола, вписывая туда всякую белиберду, типа «мама мыла раму» и «идет бычок, качается».

– Я ничего не сделал, – испуганно таращился на меня Юрченко.

В ответ я лишь многозначительно хмыкнул и сочувствующе закивал:

– Ну-ну... Все так поначалу говорят.

– Бл*ть! Начальник! Вот те крест! Я ничего не сделал!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Света, она незаметно мне подмигнула и серьезным голосом проговорила:

– Андрей Григорьевич, Антонина Юрченко повторила свои показания под протокол, готова сотрудничать со следствием...

– Хорошо, – кивнул я.

Леня что-то прошипел. Почти про себя, но я явственно расслышал «сука».

Света с укоризной посмотрела на задержанного и покачала головой:

– Как же так вы могли, гражданин Юрченко. Как же так?

Тот ударил себя кулаком в грудь и замотал головой, дескать, не виноват я. Кажется, дар речи его временно покинул.

Света скрылась, а я продолжал корябать в протоколе что-то из Маяковского. Через некоторое время в кабинете нарисовался уже Погодин:

– Андрей Григорьевич, санкцию на обыск получили, вы скоро освободитесь?

– Скоро, – кивнул я.

– А это и есть тот самый? – Погодин многозначительно уставился на Леню.

– Собственной персоной, – ответил я.

– Вот гад... – прошипел Погодин и скрылся.

Никто из нас не прерывал тишины, я только ручкой скрипел. Спустя время постучался Катков:

– Андрей Григорьевич, я проверил. Пальчики оставлены гражданином Юрченко Леонидом Сергеевичем, 1940-го года рождения, три следа обнаружены на...

– Постой, Алексей, – я многозначительно кивнул на задержанного.

– А... Кхм. Это, выходит, он и есть?

Вместо ответа я махнул рукой, дескать, скройся, не до тебя. Катков изобразил виноватый вид и закрыл за собой дверь.

Через пару минут, соблюдая ритм всей нашей пьесы, появилась другая массовка в виде помощника дежурного и ка-

кого-то сержанта:

– Андрей Григорьевич, – доложил помдеж. – Камер оди-
ночных нет, придется Юрченко в общую сажать.

– Сажайте, – пожал я плечами, не отрывая взгляда от бу-
маг.

– Ну как же?.. – помдеж перешел на шёпот, как будто си-
девший тут же страдалец мог его не услышать. – А если за-
душится? Вернее, помогут ему. Не любят у нас таких. Даже
бывалые сидельцы не любят.

– Что же теперь? – хлопнул я кулаком по столу. – Воз-
ле каждой мрази по милиционеру круглосуточно выставить
будем? Уводите! – кивнул я на ошалевшего Юрченко.

– Как – уводите? – пролепетал тот. – А показания мои
снимать не будете? Меня-то выслушать, значит?

– А зачем нам твои показания, Леня? – сверлил я его
взглядом. – Нам показаний твоей супруги хватает.

– Да врет она все! – вдруг взвизгнул здоровяк. – Врет, су-
ка! И выродок ее такой же лживый и изворотливый был. На-
гуляла, паскуда, а я растил.

– Поэтому ты убил Вадима? – спокойно и даже с некото-
рым безразличием в голосе проговорил я.

– Да не хотел я его убивать! Паршивец с ножом на меня
кинулся. Ну я и толкнул его, спьяну дело было. Он затылком
об угол табурета приложился, с лету-то. Не хотел я. Так слу-
чайно вышло... Нечего ему было лезть!

Юрченко явно был готов сейчас на всё – испугался за свою

шкуру. Спектакль нельзя было прерывать, а не то я бы плюнул паскуде в лицо.

Я спокойно проговорил:

– Хочется тебе верить, Леня. За непредумышленное убийство не расстреливают. Вижу, человек ты не совсем пропащий. Рассказывай, куда труп спрятал. Мы-то уже знаем. Но ты сам давай. Облегчи душу.

– Да в погребке он!

– Как – в погребке? – опешил я. – Заморожен, что ли?

– Почему заморожен? Закопал я его. Будто похоронил. А всем сказал, что потерялся...

Леня обхватил руками голову и зарыдал. Плечи его дергались, и из груди доносилось бульканье. Я подождал несколько секунд. Неужели проснулась совесть?

– Антонина, сука... Сдала. Убью гадину, – простонал он.

Я тихо хмыкнул. Куда уж там.

– Никто тебя не сдавал, Леня, – похлопал я его по плечу. – Молодец, что сам признался. Но за Вадика ответить придется.

Глава 6

– Отлично сработали, Андрей Григорьевич и Светлана Валерьевна, – Горохов довольно пыхтел сигаретой на утренней планерке. – Раскрыли старое убийство подростка. Подозреваемый уже дал признательные показания. На следственном эксперименте поведал, как все произошло. Указал на место захоронения своего сына. Заброшенный погреб в его же дворе. Останки направили на экспертизу. Но, как вы уже догадались, товарищи, это совсем не наш Холодильщик. Почерк и мотив не те. Так что дело я оставил расследовать местным. А нам надо думать о своем и разработать план дальнейших следственно-оперативных мероприятий.

– Разрешите, Никита Егорович? – Погодин, будто в школе, поднял руку.

– Говори, Федор.

– Я проверил мясокомбинат и продовольственные склады. Прошерстил все морозильные камеры там. Выяснил, что доступ к ним имеют сразу несколько сотрудников. Маловероятно, что Холодильщик хранил трупы где-то на производстве или в подобных учреждениях. Опасно это. Скорее всего, у него дома есть подобная морозильная установка.

– Согласен, – кивнул Горохов. – Столько лет продержатъ тела у всех на виду – невозможно. Не то, что даже проверка найдёт, а свои же коллеги, что называется, наткнутся. Тогда

слушай новую боевую задачу. Проверь все списанные за последние пять лет крупногабаритные морозильные установки. Подними акты, переговоры с членами комиссии по списанию. Узнай судьбу всех подобных агрегатов, может, кто-то из работников их к рукам прибрал, или их реализовали населению.

Я чуть не присвистнул вслух. Легко начальству задачи раздавать.

– Такое трудно проверить, – опустил голову Федя. – Столько времени прошло. И если аппараты «налево» ушли, правды ни от кого не добьешься. Молчать будут, как партизаны.

– А ты надави на них, – проворчал Горохов. – Ты милиционер или комбайнер? Прояви твердость.

Никита Егорович даже по столу ладонью прихлопнул, как будто демонстрируя, как надо твердость проявлять с народом.

– Да я как-то не умею запугивать, – растерянно пожал плечами Федя.

– Ничего сложного, – фыркнул Горохов. – Все просто. Пугать надо как можно раньше и как можно чаще. У Андрея Григорьевича уроки возьми.

– Все равно, боюсь, один не справлюсь, – Погодин покопался на меня, будто ища поддержки и ожидая, что я, наконец, выскажу свое желание ему помочь в таком деле.

Но я деликатно молчал. Такие «бегательные» мероприя-

тия не по мне. Мы их обычно переключали на плечи местных. А, собственно, почему бы не поступить так и в этот раз?

– Никита Егорович, – предложил я. – Давайте местный ОБХСС еще подключим. Нагрянут на предприятия с проверкой финансового движения материальных ценностей. Приемка, списание. Упор сделают на морозильники, но для вида еще что-нибудь прошерстят. Жути нагонят, как они умеют – их точно учить не надо. А когда выяснится, что морозильники списаны законно, думаю, что на радостях никто не будет скрывать их дальнейшую судьбу. Всё нам выложат.

Горохов громко хмыкнул. Кажется, моя доморощенная смекалка пришлась кстати.

– Отличная мысль, Андрей Григорьевич, – одобрительно закивал следователь и повернулся к Погодину. – Будет тебе, Федор, целая гвардия помощников. С местным начальником милиции я договорюсь насчет подспорья. Если диалог не завяжется – Звягинцев поможет. Так и быть, выделим тебе пару-тройку ОБХСС-ников. Ты за старшего будешь, так что – рули, капитан.

Федя кивнул, но все равно как-то удрученно. Не привык он руководить. Под моим непосредственным началом ему всегда работать комфортнее было. Но если Горохов не прикрепит меня с ним в пару, значит, на мой счет у него другие соображения. Подождем, что скажет. Хотя свой план в голове у меня уже, как всегда, имелся.

– Вот отказной материал по факту обнаружения трупа

Ложкина, – шеф кивнул Каткову. – Изучи, Алексей, внимательно осмотр места происшествия и фототаблицу к нему. Может, что-то местные упустили. С уликами там негусто. Следов обуви нет, непогодой все смыло. Если что-то накопишь, немедленно доложи и оформи справкой. Приложим к делу. Будем в бумажках копать, а что делать! Экспертизы уже не назначишь. Повторно искать доказательства нет возможности. Тело захоронили, одежду уничтожили. И вот еще... Сгоняй в морг, изыми образцы одежды Тетеркина. В конце концов, волокна его синего спортивного костюма могли остаться в морозильной установке, или в машине Холодильщика. Не приволок же он тело на горбу из самого города?

– Да как же я один это изыму? – теперь уже трухнул Катков. – Я же, как эксперт-криминалист, не имею полномочий самостоятельно доказательства и объекты исследования собирать. Вы же знаете. Только в качестве специалиста могу присутствовать, под протокол, в паре со следователем.

– Ой, Алексей, – поморщился Никита Егорович. – Не нуди. Будет тебе протокол, но позже. Задним числом там дадим понятым расписаться, делов-то. Ты главное образцы отбери, пока они не похерились.

Горохов определённо прогрессировал, перенимая мои методы работы из начала двухтысячных, когда к процессуальным заморочкам относились гораздо проще (во благо общего дела, конечно, правда, не всегда).

– А если преступник не из города вовсе? – вставил я веское слово. – А из окрестных поселков или деревень, например.

– Возможно, – Горохов пощелкал костяшками пальцев и задумался. – Но маловероятно. В деревнях ведь все на виду. Машина не успела к дому подъехать, а на нее уже из-за штор с обеих сторон улицы таращится несколько пар любопытных глаз. В сельской местности у пенсионеров и детей самое интересное занятие – это за прохожими и соседями наблюдать, в окошко там или с крыльца. В городе легче затеряться и такие дела с трупами проворачивать. Но, ясное дело, в квартиру такой холодильник не поставишь. Значит, приоритетно искать надо в частном секторе. Я запрошу данные на всех ранее судимых за убийства и насильственные преступления, кто освобожден за последние пять лет. Тебе, Андрей Григорьевич, самая сложная задача. Проверить их всех по месту жительства. Светлана Валерьевна тебе в помощь. Я так понял, вы с ней отлично сработались.

Горохов сказал это вроде бы и без сарказма, а Света украдкой бросила на меня взгляд и улыбнулась уголком рта. Катков и Погодин лишь вздохнули. Один из них явно хотел работать в паре со Светой, а второй – со мной. Но в этот раз им не повезло. Конкуренция в отдельно взятом коллективе, так сказать.

А мне повезло? Фиг знает. Обхаживать недотрогу – так себе перспектива. Чувствую себя пионером. Хотя мне ведь

это нравится. Наверное...

– Есть проверить всех по месту жительства, – я картинно приложил правую ладонь к виску. – Просеем всю шушеру, склонную к подобным преступлениям.

– Только, боюсь, что это ничего не даст, – вмешалась Света. – как показывает практика, маньяк всегда маскируется под обычного человека. А зачастую даже под примерного семьянина и прилежного работника. Может в партии состоять. Он умен и способен манипулировать людьми. Но криминальный контингент, конечно, проверить надо.

– По крайней мере, в этом случае мы отметем часть подозреваемых, – кивнул Горохов. – Ты, Светлана Валерьевна, извини за сравнение, будто ходячий детектор лжи. Поможешь Андрею Григорьевичу разобраться, кто из откинувшихся «Фантомас», а кто нет.

Света дежурно улыбнулась. Что ж, все при своих задачах, можно браться за дела. Я оглядел своих коллег – всем как будто хотелось немножечко «дозреть», сидя в благоустроенном кабинете. Обсудить, поспорить, посомневаться.

Вот и Погодину было что сказать.

– Одного не пойму, – почесал затылок Федя. – Если Холодильщик похищает и убивает детей, зачем он их тела подбрасывает в лес? Если бы трупы не обнаружили, никто бы его не искал. Он же, фактически, запустил на себя охоту.

Вопрос действительно интересный. Я повернулся к Психологине.

– Скорее всего, он и правда желает привлечь внимание к своей персоне, – ответила Света. – Может, в детстве был обделен должным вниманием, и сейчас испытывает некий реваншизм. Он нашел способ выделиться и, вполне возможно, вовсе не причисляет себя к преступникам. Может, даже считает, что действует во благо общества.

– Какое же тут благое дело может быть? – удивился Федя.

– Нам пока не понять. Маньяк – всегда психически нездоровый человек. А если он убивает не только ради «великой» цели, но еще и ради удовольствия, то вдвойне больной...

– Так, может, нам тогда всех душевнобольных еще проверить? – предложил Федя.

– Такие люди на учете не стоят, – скептически заметила Света. – Иначе все было бы предельно просто... Они скрытны и умеют притворяться нормальными. Как и говорила, иногда просто мастерски.

– А мне вот Огурцов каким-то странным кажется, – не унимался Федор. – Вроде улыбается всегда, а глазки холодные. Как у змеи. Он может быть маньяком. Ну так? Чисто теоретически.

– Чисто теоретически, Федор, – фыркнул Никита Егорович, – Каждый из нас может быть маньяком. Ну, разве что кроме Алексея.

– Почему это я маньяком не могу быть, Никита Егорович? – будто обидевшись, пробурчал Катков, ловя на себе насмешливые взгляды товарищей.

– Нет в тебе стержня убийцы, Алеша. А вот в Андрее есть.

Я не знал, то ли радоваться, то ли расстраиваться такому комплименту. Но Алексей явно слегка поник, узнав, что карьера Потрошителя ему не светит.

* * *

Нас следующий день следователь прокуратуры Огурцов, не имевший понятия, что наш Федя готов подозревать его в самых страшных делах, лично приволок нам нужные сведения о лицах, ранее осужденных за особо тяжкие преступления против личности. Звягинцев велел использовать следака по полной, чему Иван Петрович не особо обрадовался. Но недовольство, как всегда, свое не показывал и неизменную льстивую улыбку с лица ни в коем случае не снимал.

Мы пробежались по списку и решили начать с самых «перспективных» подозреваемых. Один неоднократно сидел за изнасилование, а второй, некто Сапожников Евгений Савельевич, 1946 года рождения (то бишь 39 лет ему сейчас), оказался еще более интересным фруктом. Он десять лет отбывал наказание в колонии строгого режима за убийство. И что самое примечательное – его жертвой был подросток четырнадцати лет.

Я показал его данные Горохову. Тот внимательно прочитал мини-досье, покряхтел и стал потирать руки:

– Наш человек... Его в первую очередь проверить надо.

– Ага, – кивнул я. – И освободился в феврале 1982-го. Как раз незадолго до того, когда пропал Витя Тетеркин.

– Вот что, – Горохов озадаченно посмотрел на часы. – Я сейчас выбью вам со Светланой Валерьевной подмогу из числа местных оперативников. Одни к нему не суйтесь. Мало ли что...

– Не стоит поднимать шум раньше времени, Никита Егорович, – предложил я. – Мы со Светланой Валерьевной все по-тихому постараемся сделать. Прощупаем его, так сказать. А если в ружье поднимать всю милицию, на завтра об этом весь город будет знать. А если это не он окажется? Тогда настоящий Холодильщик затаиться может.

Начальник настороженно постучал пальцами по столу.

– Думаешь, он не знает, что его ищут? – свел брови Горохов.

– Знает, но о том, что по его душу приехала группа Горохова из Москвы – вряд ли догадывается. А с местными он будет более откровенно в кошки-мышки играть. Судя по всему, он их ни во что не ставит и не считает за равных себе соперников. Надеется легко обыграть, понимаете.

Шеф задумался, прокашлялся в кулак и кивнул:

– Ладно, давайте, только аккуратно. И Погодина с собой возьмите на всякий случай. Только пусть вооружится. А то, помню, были казусы...

– Да он мясокомбинат вместе с ОБХСС-никами на уши ставит, – отмахнулся я. – Долго его ждать придется. Мы вре-

мя терять не будем. Справимся.

* * *

Наша служебная «Волга» въехала в массив частного сектора (местные называли его «урочище Листвянка»), в котором, по данным местной милиции, проживал Сапожников. Где-то здесь же неподалеку стоял дом Лёни Юрченко. Только теперь он нескоро в него вернется. Останки его сына выкопали и отправили на экспертизу. Его супруга Антонина так и не дала показаний против мужа, хотя, по нашим прикидкам, прекрасно знала о его злодеянии. При таком раскладе ей грозило привлечение к уголовной ответственности за сокрытие преступления. Но у следствия были сомнения в ее адекватности. Огурцов направил женщину на судебно-психиатрическую экспертизу в областное бюро. Сказал, что, скорее всего, там признают ее невменяемой и освободят от уголовного преследования.

– Странный поселок, – Света с интересом разглядывала старые, почерневшие бревенчатые дома, многие из которых выросли в землю, вероятно, еще с довоенных времен. – Такое ощущение, что здесь проживают все убийцы детей. Коммуной.

– Детей убили не так уж и много, – успокоил я ее. – Пока только два трупа у нас, надеюсь, что на этом все.

– Мне бы твою уверенность, Андрей, – вздохнула девуш-

ка. – Чутье психолога мне подсказывает, что это только начало...

Про предчувствия думать не хотелось. Я остановился перед несуразным домишкой, больше похожим на гигантскую собачью будку, сколоченную из досок, кусков фанеры и обшитую местами потрескавшимся рубероидом.

– Приехали, – сказал я. – Заречная, тринадцать. Адрес этот должен быть.

– Будто не дом вовсе, а сарай какой-то, – поморщилась Света и передернула плечами. – И номера дома нет.

Она явно не горела желанием заходить внутрь такого сомнительного «курятника», еще были живы воспоминания о мерзком жилище Юрченко. Что ждало здесь, можно было только гадать.

– Вот тот дом одиннадцатый, а следующий – пятнадцатый. Значит, это точно он. Если хочешь, можешь меня в машине подождать, – предложил я, уловив ее нерешительность.

– Ну уж нет... – замотала она головой, разбрасывая сверкающие пряди по плечам. – Привыкла я в уютных кабинетах работать, пора спускаться на «землю».

– Да я и без девочек справлюсь. Все нормально.

Я так ее отговаривал, будто не сам только что убеждал Горохова, что мы вдвоем прекрасно справился. Но Психологиня с обстановкой действительно резко контрастировала.

– Я не девочка, а капитан милиции, – улыбнулась она. – Пошли уже.

Вместо забора – частокол из горбыля с червоточинами. В одном месте столб подгнил и накренился. Упасть ему не давали соседние столбики, что вцепились в калеку-собрата изогнутыми от времени деревянными прожилинами.

Дверь хибары оказалась на замке. Навесной, с массивной ржавой дужкой, он висел на хлипких рыжих петлях-проушинах.

– Какой смысл ставить такой здоровый замок на неухоженную фанерную дверь? – хмыкнул я. – Ее пни, она и развалится.

– Не надо пинать мою дверь, – раздался сзади чей-то голос. – Вы, извиняюсь, кто такие будете?

Со стороны куцега огородика к нам подошел неожиданно интеллигентного вида дядя. Его внешность совсем не походила на облик матерого преступника. Несуразные очки, лицо с не по-мужски тонкими чертами. На теменной лысине одуванчиковый пушок. Одет в потертый и мятый, но относительно чистый костюм, который уже давно превратился из выходного в домашнюю одежду. Рост чуть ниже среднего, телосложением далеко не богатырь, но в руках с легкостью держал массивную кувалду. Вспомнив, как оказалась обманчива внешность, когда я повстречал Зеленоярского Потрошителя, щедедушного студента, я не стал испытывать судьбу. Грозно зыркнул на него.

– Брось молоточек, – приказал я, потянув руку к кобуре, – Милиция.

– Да, конечно, – суетливо закивал тот и аккуратно поставил на землю кувалду. – Вы не подумайте, это не для встречи гостей. Я тут по хозяйству немного занимался. Чем обязан?

– Сапожников Евгений Савельевич?

– Он самый.

– Пройдемте в дом, разговор есть.

Что-то его вежливость меня раздражала. Держись, Курсант, не распускайся.

– Если вы по поводу собаки Пантелеевых пришли – то я ее не травил. Она, конечно, весь околоток достала. Детишек покусала недавно. Как сорвется с цепи, так беда. Но я ни при чем, хотя Пантелеевы меня винят.

– Почему?

– Так я им часто высказывал претензии, что собака их по ночам гавкает и спать мешает. Вот они подумали на меня – и вас, наверное, вызвали.

– Собакой участковый занимается, – со знающим видом кивнул я.

– Вы не похожи на участковых, – из-за стекол очков на нас смотрели непонятного мутно-серого цвета пытливые глаза.

– Вы правы. Пройдемте уже в дом.

– Да там не прибрано, даже как-то неудобно, – замахал руками хозяин. – Может, здесь побеседуем?

Фразочки его меня напрягали. Видно, что паря не пролетарско-крестьянского пошиба, а выделки совсем иной. И на ранее судимого не похож. Ерунда какая-то.

– Ничего, мы привычны, – настоял я, впившись в него испытывающим взглядом.

– Если так, тогда прошу за мной, – Сапожников сдался и отпер замок.

Зачем запирать дверь, если ты тут же, у себя на подворье ковыряешься? Странно как-то.

Мы вошли в единственную комнату. Внутри хибара оказалась гораздо лучше, чем выглядела снаружи. Стены обшиты крашеным ДВП, на полу даже ковер расстелен с изображением каких-то кувшинов. На окнах белые занавески. Мои ожидания по поводу бичевника не оправдались.

– Вы сказали, у вас бардак, – холодно проговорил я, осматриваясь. – И где же он? Вполне себе прилично.

– Ну, как же? Вон на столе посуда грязная. Воды горячей нет, приходится в тазике мыть.

– Посуду мы переживем, – заверил я.

– Извиняюсь, а вас самих как зовут?

– Андрей Григорьевич, а это Светлана Валерьевна.

Мы сели на застеленный клетчатый колючим пледом диван, который ночью заменял жильцу кровать. Сапожников остался стоять, привалившись к единственному в доме столу. Из мебели был еще только трехстворчатый платяной шкаф, добротный скроенный из чистого массива дерева. Такие шкафы делали в шестидесятых, а потом уже стали клепать из листов «полировки». Лак местами облез, но стенки не покосились до сих пор.

– Аскетично живете, – я еще раз внимательно огляделся, но ничего подозрительного не увидел.

– Дом мой сожгли, пока я срок тянул, – холодно проговорил хозяин. – Пришлось потом из хлама собирать себе жилище.

Он не сетовал на тяготы или несправедливость, как будто принимая на себя меру ответственности. Но это все догадки, а надо бы от него услышать.

– За что же так с вами обошлись?

– Если вы из милиции, то наверняка знаете, – подозрительно прищурился Сапожников.

– А вы нам сами расскажите.

– Не хотелось бы вспоминать, – вздохнул он. – Но, если вы настаиваете?

– Настаиваем.

– Я убил своего ученика, – неожиданно прямо выдал он. – Я раньше в школе учителем математики работал. Параллельно вел шахматную секцию.

Так вот откуда в нем интеллигентность. Сапожников – бывший препод. Занятно. Я личное дело его еще не читал. Нам Огурцов только списочно сведения предоставил. А досье на него на зоне хранится, и в конторе участковых должно быть еще одно.

– Как это произошло? – мы со Светой с интересом на него уставились.

Психолог пока молчала, но я-то знал, что она включилась

уже в работу по полной и изучает Сапожникова, как белую мышку. Стопудово уже анализирует каждый его жест и слово и составляет в голове психотип. А мы ей в этом поможем.

Глава 7

– В семидесятом дело было, я тогда только Новозыбковский пединститут закончил. – Сапожников начал рассказ неохотно, но после первой фразы будто погрузился в воспоминания и даже будто немного кайфанул.

Нечасто ему такое приходилось рассказывать, а может, и вовсе никогда. Мне показалось, что даже монстрам требуется иногда излить душу.

– Отработал в школе пару лет, – продолжал он. – А авторитета не снискал. Ни у коллег, ни у подопечных. Телом был неказист, не больше среднего старшекласника, а душой слишком мягок. В общем, не мужик, а кусок поролона – хоть никто такого прямо не говорил, а понятно. Молодой был, неопытный. Верил в справедливость. Вот и сели мне на голову ученички. Десятый класс – лбы выросли, что некоторые выше меня на целую голову. С дисциплиной на уроках совсем беда стала. Будто учитель математики для них – пустое место. Не смог я себя сразу поставить, а потом поздно уже было что-то менять. И коллеги надо мной посмеивались.

Сапожников вздохнул, переживая былое.

– А с мальцами, наоборот, все как по маслу шло. Любили меня третьеклашки. Я у октябрят шахматный кружок вел. Вот только мой десятый «Б» совсем обнаглел. Стал меня не только на уроках цеплять, но и в коридорах школы подзуживать.

вать. Однажды, когда я вел своих мальцов в кабинет, нам навстречу попалась отъявленная тройца из злополучного класса. Лидер у них был Лешка Назаров – сынок директора городской овощебазы. Мерзкий мальчик. Он мне подножку и поставил. Конечно, обиду бы я стерпел, но не на глазах своих октябрят, которые души во мне не чаяли. Я встал, отряхнулся. Вытащил из кармана складешок. Подошел к гогочущему Назарову и чиркнул по горлу лезвием. Знаете, иногда на старые фигуры шахматные снизу грязь налипает, когда уже подкладка тряпичная износилась. Вот и приходится их ножичком чистить. Поэтому складешок всегда у меня с собой был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.